

ПУСТЬ БУДЕТ СВЕТ

ЛЮОМЕН

18+

КОРТНИ КОУЛ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES И USA TODAY

Ноктэ

Кортни Коул

Люмен

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Коул К.

Люмен / К. Коул — «Эксмо», 2015 — (Ноктэ)

ISBN 978-5-04-103767-3

Меня зовут Калла Прайс, и я окончательно потеряла себя. Осколки реальности ускользают от меня в тот момент, когда я отчаянно пытаюсь собрать их воедино. Но я не одна: мой братблизнец Финн и возлюбленный Дэр готовы защищать меня ценой своих жизней. Древнее проклятие завладело моей душой? Или же я просто схожу с ума? Я не знаю. Лишь одна истина не вызывает сомнений: тьма душит меня. Но скоро я освобожусь. А все вопросы найдут свои ответы. Так было предначертано. Не бойся... Ужасайся!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-103767-3

© Коул К., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Посвящение	7
Предисловие	8
Пролог	9
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кортни Коул Люмен

Но не нашлось для Адама помощника, равного ему. Поэтому навел Господь Бог на человека глубокий сон, и пока тот спал, взял он одно из его ребер и облек его во плоть. И создал Господь Бог из того ребра, взятого у мужчины, женщину. Узрел ее мужчина и сказал: «Это – кость от моей кости и плоть от плоти, поэтому ее следует наречь Женщиной, ибо создана она была от Мужчины». С тех пор каждый мужчина, покидая своих мать и отца, должен найти себе жену, дабы стать с ней единой плотью.

Так, мужчина и женщина были полностью обнажены и не испытывали стыда.

Евангелие

Быт. 2:20–25

Courtney Cole

LUX

Copyright © 2015 by Courtney Cole

© Аристова Е.А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО
БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ
БЛИЗКО.*

*КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО
БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ
БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО
БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ
БЛИЗКО.*

*КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО
БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ
БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО
БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ
БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО.*

*КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО
БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ
БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО
БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ
БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО
БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ
БЛИЗКО.*

*КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО
БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ
БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО*

БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ БЛИЗКО.

КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО. КОНЕЦ БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО БЛИЗКО КОНЕЦ БЛИЗКО.

Посвящение

Resurgimus a cinis.

«Мы восстанем из пепла».

Потому что такова наша сущность, не так ли?

Эта книга для тех, кто уже возрождался однажды.

Для тех, кто возродится вновь.

Предисловие

Мои дорогие читатели.

Как сказал однажды поэт Дилан Томас¹,

«Не стоит покоряться сладкой тьме,
Восстань, восстань против заката солнца».

Персонажи моей книги не готовы покоряться обстоятельствам.
Они восставали уже не раз.
Они готовы подниматься снова и снова.

Я тоже никогда не была покорной и безропотной.
Ни с моими героями, ни с вами.
Вероятно, мои слова взбудоражат вас.
Может, они заставят вас сидеть как на иголках, до тех пор, пока вы не поймете, какова истинная судьба персонажей.
Потому что все мы немного безумны, не так ли?

Вам пришлось следовать за ходом мыслей Каллы.
Побывать в ее шкуре.
Почувствовать все то, через что ей пришлось пройти.
Потому что все должно идти своим чередом.

Теперь, когда развязка уже совсем близко,
Вам придется очутиться перед лицом тьмы.
Перед лицом правды.
Она уже нависла над вами.
Так близко, что вы можете почувствовать ее дыхание.

Так вперед же!
Протяните к ней свою руку.
Прикоснитесь к ней.
Решитесь уже наконец.
Сделайте Это Сделайте Это Сделайте Это.

Я бросаю вам вызов.

¹ Дилан Томас – валлийский поэт и писатель первой половины XX века.

Пролог

Я оказываюсь на развилке, и, несмотря на то что она прямо передо мной, я не могу никуда свернуть.

Одна тропа уходит налево, а вторая – направо, но обе ведут в бездну.

Я чувствую это всем своим телом.

Всем телом.

Всем своим продрогшим телом, внутри которого – пустота.

Он берет меня за руку, и мы идем... наш путь лежит через тоннель... через огромную залу... сквозь тьму.

Я согласно киваю, потому что доверяю ему. Что бы ни случилось, я точно знаю: он меня не подведет. Он не бросит меня здесь.

Комната окутана густой тенью, ее пронзают языки пламени, повсюду завеса тайны. Я ступаю внутрь, озираюсь по сторонам. Жар огня согревает меня, заставляет кровь закипать, распространяясь по венам с каждым новым ударом сердца.

Я напеваю какую-то неизвестную мне самой мелодию, и эхо вторит мне. Воздух наполняется отголосками, а я как будто вбираю звук обратно в себя.

– Выйдите! – кричу я куда-то в пустоту, потому что я точно знаю: они совсем рядом.

Если я не могу их увидеть, это не значит, что я не нахожусь под их неустанным прищмотром.

В воздухе прямо передо мной появляются глаза, чернильно-черные, блестящие, они подмигивают мне: один раз, второй, третий.

– Я вижу вас! – объявляю я во всеуслышание.

Мне отвечает страшный рев, и тьма обрушивается на меня сверху, я оказываюсь погребенной под чем-то очень тяжелым, оно вот-вот раздавит меня.

– Вам не напугать меня! – кричу я, но это ложь.

На самом деле я напугана. Мои страхи следовали за мной по пятам на протяжении всей моей жизни, и теперь наконец, наконец, наконец-то я узнаю, что было спрятано за их масками.

Зачем они следуют за мной?

Что им от меня нужно?

Потому что я знаю наверняка: они здесь из-за меня.

Я знаю это.

Я просто знаю это.

Стены вокруг меня начинают пульсировать, от них исходит нестерпимый гул, они ревут.

Окружающее меня пространство пронизано дикостью, варварством, и в то же время оно так изячно.

Но все-таки во главе угла здесь стоит забвение, и я должна всегда помнить об этом: что бы я ни делала, в конечном итоге оно поглотит меня.

Я знаю это.

Я это чувствую.

Я схожу с ума.

– Вы готовы? – спрашивает она, и мы киваем.

На самом деле это неправда, но какое это имеет значение?

Она кивает в ответ, и тут же по всему периметру вспыхивает беспощадное пламя, ее слова будто ударяются о барабанные перепонки:

«Один в один, один в один».

*Я падаю вниз с обрыва навзничь.
Прямо в блаженное забытье.
Бесконечное.
Бесконечное забытье.*

Глава 1

Комната с бешеной скоростью вращается вокруг меня, словно карусель, пока наконец стены не замирают на своих местах. Все здесь белое, пропитанное запахом лекарств, оглушенное пищущими сигналами приборов жизнеобеспечения. Вокруг гладкие стены и пронизывающий холод. Мурашки на коже все плотнее и плотнее жмутся друг к другу, словно боятся этого чужого и странного помещения. Я тяжело слатываю.

Я в больнице.

Мне холодно.

Мне страшно.

Мой погибший брат смотрит на меня пронзительно, а затем отводит свои бледно-голубые глаза в сторону, уклоняясь от моего вопроса. Остается лишь задать его снова.

– Финн, где Дэр? – спрашиваю я твердо, и каждое произнесенное слово вонзается мечом в мое собственное сердце. Тем временем тьма заполняет комнату: каждый сантиметр, каждый вздох, каждую секунду.

Финн смотрит в сторону, пробегает взглядом по стенам и полу – его глаза устремлены куда угодно, только не на меня.

– Дэр... Ты же прекрасно знаешь, где он, Калла.

Но он ошибается, я не имею ни малейшего понятия, и с этим смириться мне сложнее всего.

Мои глаза резко закрываются, и последнее, что они замечают, – белое больничное одеяло, которым я укрыта. Я ускользаю от реальности, и Финн берет меня за руку.

– Калла, у тебя в голове все перемешалось. Ты так и не поняла, что из произошедшего реальность, а что – твоя фантазия. Ты знаешь, где Дэр. Ты знаешь всю правду. Тебе нужно просто подумать. Взглянуть в лицо истине.

Мне становится больно от его слов. Ненавижу это чувство!

– Я... не могу. – Вся моя слабость воплотилась в эти слова, и я представляю, как теперь они безвольно падают с кровати и рассыпаются по полу.

Финн пронзает меня своим взглядом, будто въедается в мои глаза, в мое сердце. Словно моя душа в чьих-то огромных цепких лапах, из которых мне не вырваться.

– Калла, ты можешь. Ты – не я. Ты – это ты. И это абсолютно нормально. Ты именно та, кем ты должна быть. Пожалуйста, ради всего святого, приди в себя! Возвращайся скорее!

Мои глаза широко открываются, потому что сказанное кажется мне странным.

– Откуда мне нужно вернуться?

Очевидно, что сейчас я в больнице, рядом с ним, с моим погибшим братом. Я уже вернулась. А вот его здесь на самом деле нет, потому что он мертв. Его слова – это какая-то бессмыслица.

Его вздох разносится мягким звуком по безмолвной комнате.

– Вернись оттуда, где ты прячешься. Ты нужна здесь, Калла.

– Но я уже здесь, – настаиваю я, потому что Финн уже отчаянно мотает головой.

– Нет, – говорит он, – ты не здесь, Калла.

Меня окутывают ватные облака, поднимают высоко над землей и уносят прочь от здравого рассудка и логики, подальше от реальности. Я пытаюсь сопротивляться, удержаться на земле, но взлетаю все выше и выше, я почти на самом небе, где-то за океаном.

– И как же мне вернуться? – спрашиваю я, а мой голос звучит совсем по-детски.

Финн пристально смотрит на меня, его глаза словно голубые камни, гладкие, блестящие и яркие.

– Постарайся сфокусироваться. Ты пытаешься жить по правилам. Ты считаешь, что ты – это я, но это не так. Мне хорошо там, где я сейчас.

– Но ведь ты мертв. – Голос срывается.

На его лице появляется та самая кривая ухмылка, которую я так люблю, которую знаю так же хорошо, как свои пять пальцев.

– Но разве я мертв? И так ли это плохо на самом деле? Когда ты умираешь, тебе больше не нужно ни о чем беспокоиться. Со мной все хорошо, Калла. Возвращайся. Просто возвращайся.

– Я не могу сделать это без тебя, – уверенно парирую я, потому что это то, что говорит мне мое сердце.

Финн закатывает глаза.

– Конечно же, ты можешь. Ты всегда была самой сильной, Калла. Всегда.

– Но я не знаю, как вернуться назад, – говорю я, – даже если бы я этого захотела, я просто не знаю, как это сделать. Я потерялась, Финн. Я пропала.

Однако он остается безжалостным ко мне, а его голос тверд, словно сталь.

– Ты же знаешь, что я всегда делал, когда не мог найти дорогу? – спрашивает он, снова сжимая мою руку в своей, и, когда я встряхиваю головой, потому что не знаю ответа, он продолжает: – Я возвращаюсь туда, откуда шел, и начинаю путь заново.

– Но... – на короткий момент мой шепот обрывается, воздух заполняет пауза, – но откуда мне начать?

Без Финна я даже не знаю, хочу ли я что-либо продолжать вообще, не говоря уже о том, чтобы начать сначала.

Он пристально смотрит на меня, потому что знает меня лучше, чем кто-то еще в этом мире, знает каждую мысль в моей голове, до мельчайших деталей.

– Начни сначала, Калла. Выбери точку опоры, в которой ты на сто процентов уверена. Которая абсолютно точно является правдой. И начинай оттуда. Не позволяй никому встать у тебя на пути. Не пытайся обмануть себя: неважно, какую боль принесет тебе правда. Ты поняла меня?

Я поняла.

Но мне совсем не хочется этого.

– Правдива только реальность, – уверенно говорит он мне, – меня же на самом деле нет. Тебе свыше была дарована одна чудесная способность. Не потеряй ее. Ты должна открыть свою новую реальность, Калла. Но уже без меня.

– Но как мне быть, если ты моя точка опоры, Финн? – Мой голос ломается. – Как мне понять, что реально, если даже тебя не существует.

От боли моя грудная клетка вот-вот распадется на части, я не могу дышать, потому что с каждым вдохом все сильнее и сильнее отдаляюсь от своего брата.

– Тебе предстоит найти свой путь, – произносит он холодно и решительно.

Горячие слезы обжигают мои щеки, и я сильнее сжимаю его руку, потому что мне плевать на его слова – я не готова отпустить его.

– Прости меня, Калла, – тихим голосом продолжает он.

Его худенькие плечи сгорблены, он развернулся полубоком, словно отгораживаясь от меня.

– За что ты просишь прощения?

– За все.

На секунду внутри меня все проясняется, ненавистные тучи уходят, но затем они возвращаются снова.

– Но ведь ты ни в чем не виноват.

– Разве? – вздыхает Финн. – Хотя, если честно, какое теперь это имеет значение? Виноват ли кто-то или все вышло случайно – через весь этот сор тебе нужно пробраться к корням.

Ничто больше не имеет значения. Важна только ты. Тебе нужно оказаться лицом к лицу с реальностью.

Его руки начинают исчезать, словно он просто растворяется в воздухе, стремясь поскорее скрыться от меня. Я пытаюсь ухватиться за него, но каждый раз мои пальцы ловят лишь пустоту.

– Финн! – зову его я. – Вернись! Не оставляй меня одну!

Но его уже нет, и я в полном одиночестве: все, что осталось, – это его мягкий голос, исходящий будто из ниоткуда и заполняющий собой все вокруг.

– Если ты хочешь жить за нас двоих, тогда пусть будет по-твоему, – шепчет он, – но только живи!

– Финн, – упорно зову его я, но на этот раз мне никто не отвечает.

Теперь его действительно больше нет со мной.

Комната пуста, холодна и недружелюбна.

Всю мою жизнь брат был моей второй половиной. Он любил меня независимо от обстоятельств, такой, какая я есть, не требуя ничего взамен.

А теперь он умер и просит, чтобы я что-то сделала.

Что-то, непосильно тяжелое для меня.

Он хочет, чтобы я существовала без него.

Чтобы я запомнила, раз и навсегда, что правда, а что – вымысел.

И мне придется это сделать.

Так я и поступлю. Я пройду весь свой путь с самого начала.

Мне стоит всегда помнить о том, что Финна больше нет.

В таком случае в моей жизни есть только одна вещь, которую я могу считать аксиомой.

Она-то и будет моей опорной точкой.

Ее-то я и буду считать самой важной деталью своей истории.

Дэр.

Чувствуя непреодолимую дрожь в руках, закрываю глаза и пытаюсь сконцентрироваться на Дэре.

Потому что все это время это была история о нем.

Я представляю его черные глаза, его широкую улыбку, плечи, приходящие в движение при ходьбе... Но цельный образ все никак не желает формироваться. Он настырно ускользает от меня, как песок сквозь пальцы. Все, о чем я могу думать, – это начало.

Начало.

Начало.

Я буквально подсакиваю на месте, когда мне на ум приходят слова из дневника Финна: *«Mars solum initium est. Смерть – это только начало.*

Это начало. Это начало».

МНЕ НУЖНО НАЧАТЬ СНАЧАЛА.

У меня перехватывает дыхание, а затем оно, наоборот, учащается: возможно, Финн, как и всегда, пытается подсказать мне верный ответ.

Возможно, начало – это идеальный отправной пункт, из которого следует двигаться вперед.

Глава 2

Мой нос заполняет запах школьного спортзала. Пыль клубами витает в воздухе, горячий пол исцарапан сотнями других ног. Вокруг меня мои одноклассники. Они бегают сломя голову и скрипя подошвами: «Захвати флаг» – наша любимая игра. Мы все пропахли потом, у нас сбилось дыхание, а в груди стало горячо. Дух соревнования внутри нас бурлит с такой силой, что я могу буквально почувствовать его.

Я поднимаю глаза, чтобы отыскать своего брата Финна, перехватывающего флаг у другой команды. Он поражен этим ничуть не меньше меня, потому что у него есть одна интересная особенность... его ну никак не назовешь спортивным ребенком. На его лице расплывается блаженная улыбка, пока он бежит на часть площадки нашей команды, потому что он и помыслить о таком не мог: такая мелочь заведомо делает его героем дня. Сегодня мы станем победителями, и это заслуга моего брата.

Я неистово машу ему обеими руками, пытаюсь каждым своим движением заставить его бежать быстрее, хотя прекрасно вижу, что он и так на пределе. Его тонкие руки скользят по воздуху вперед и назад, а ноги перемещают его тело все ближе и ближе к цели. Но мне хотелось бы, чтобы он бежал еще быстрее, потому что тогда все увидят, какой он замечательный.

– Калла! – визжит Финн, и на секунду мне кажется, что это крик радости. – Калла!

Его голос звучит встревоженно: Финн в отчаянии, мокрые волосы прилипли к его лбу. Ему совсем не весело. Он в ужасе. Его взгляд замер на чем-то позади меня, но там лишь стена, там нет ничего, что могло бы его напугать.

Я не понимаю, как мне реагировать, но внутри меня уже поднимается волна паники, словно кто-то дернул спусковой крючок. Врожденный инстинкт защищать моего брата-близнеца. Борись или беги. Единственная цель – спасти его.

Я мчусь к Финну, чтобы заслонить его от кучки детей, которые вот-вот атакуют его из-за кусочка ткани, зажатого в его руке. Не могу понять, что именно с ним не так, но по нему точно видно, что он больше не в игре. Он отчаянно пытается выйти из нее.

Когда наконец я подбегаю к нему вплотную, его взгляд направлен в никуда, и из его горла вырывается вопль ужаса. Я слышу, как глумливо посмеиваются дети вокруг нас, как они перешептываются между собой, и мне хочется врезать каждому из них, но у меня нет ни единой возможности это сделать.

Финн роняет флаг, и тот падает на землю бесчувственной оранжевой ленточкой.

Прежде чем я успеваю что-либо предпринять, Финн устремляется к самому потолку, вверх по старому канату, который держится на честном слове и в любой момент может оборваться. Он висит у самого крепления, на котором держится веревка, и пристально смотрит на меня: смотрит, но не видит.

– Он здесь, Калла! – кричит он. – Он уже здесь! Демон! Демон! У него черные глаза! – Его же собственные глаза расширяются, и он снова переходит на визг, пытаясь подняться еще выше, словно чья-то невидимая рука может схватить его.

Но он не может забраться выше, потому что места для маневра уже не осталось. Финн на самой вершине, задевает макушкой потолок, а какой-то воображаемый монстр хочет его поймать. Мне становится нечем дышать.

Что происходит?

С тяжело бьющимся сердцем я хватаюсь за край каната и начинаю ползти по нему вверх так быстро, насколько это возможно, только бы поскорее помочь моему брату.

Одна рука продвигается следом за другой, ноги отчаянно скользят по канату и поднимают мое тело выше от земли. Толстая бечевка впивается в мои ладони, отчего кожа буквально пылает огнем и саднит, но это не имеет никакого значения.

Все, что сейчас важно для меня, – это мой брат.

Но Финн словно не замечает меня. Он будто смотрит в никуда и продолжает визжать.

Он заползает еще выше, и мне становится по-настоящему страшно.

– Финн, это же я, – говорю я ему мягко, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. – Это я!

Я должна помочь ему. Я должна. Что случилось с моим братом?

Я едва касаюсь его подошвы, мои пальцы притрагиваются совсем легонько: настолько, что я не подумала бы, что он вообще это почувствует.

Но это оказывается моей фатальной ошибкой. Его лицо искажается от ужаса, и он отворачивается от меня, потому что думает, будто я – демон. Когда он снова пытается забраться еще выше, его руки соскальзывают с каната.

Жизнь проносится перед глазами, как в замедленной съемке.

С диким криком он падает вниз.

Во время бешеного полета его тело изгибается и, ударяясь о твердый пол, издает пугающе мягкий звук, словно пуховая подушечка. Как это могло произойти?

Я в ужасе, меня охватывает шок, когда я смотрю сверху на своего брата, на лужу крови, растекающуюся по полу спортзала, на учителя, разгоняющего остальных учеников. И снова на моего брата, моего брата.

Светло-голубые глаза Финна открыты и устремлены прямо на меня, но он уже точно меня не видит.

Он больше не может ничего увидеть.

Потому что он мертв.

Мой отец заведует похоронным бюро, поэтому я прекрасно знаю, как выглядит смерть.

Я уже не помню, как мне удалось спуститься по канату вниз, потому что руки онемели, даже мое сердце оцепенело, а в голове образовалась вакуумная пустота. Не помню, кто забрал меня в тот день из школы. Я помню только, как уже лежала в кровати, бессмысленно уставившись в потолок, чувствуя, как жизнь покидает меня, будто весь мир мог бы расколоться на тысячу осколков и разлететься по ветру, мне было бы на это наплевать. Потому что если Финна больше нет, то мне тоже нет никакого смысла здесь находиться.

Печаль сдавливает меня своим тяжелым, непосильно тяжелым гнетом, и я отдаю себе отчет в том, что не выдержу такой ноши. Должно быть, я сломаюсь под ней.

Я закрываю глаза.

Вокруг меня густая тьма, и мне снится сон.

Я нахожусь где-то, где еще темнее, чем в комнате, а мой брат рядом со мной. Его глаза темные и мутные, даже белков не видно, и я понимаю, что он еще эмбрион, и я тоже – эмбрион, и мы оба еще не появились на свет. Я протягиваю к нему свои пальчики, соединенные между собой перепонками, и касаюсь его лица. Я четко осознаю: это мой брат. Несмотря на то что у него пока даже не выросли волосы, я знаю это наверняка. Я чувствую это. Я чувствую, как бьется его сердце.

Он смотрит на меня сквозь тьму, и до меня доносится голос, так же ясно, как если бы он мог говорить. Это он, мой брат, мой Финн.

«Спаси меня, и я спасу тебя».

Этот голос звучит громко и в то же время тихо, он разносится повсюду, но его не слышно нигде.

Что-то беспокоит его, и я ощущаю это всем своим еще не рожденным телом. Поэтому я прижимаюсь к нему плотнее, чтобы забрать всю его тревогу, выпить ее в себя без остатка: я не могу позволить, чтобы с ним случилось что-то плохое, – никогда. Однажды я уже потеряла его и не могу допустить, чтобы это случилось снова.

Рядом с ним мне всегда тепло, и я хочу, чтобы ему было так же тепло рядом со мной: пусть так будет всегда.

Я чувствую его прикосновение. Я чувствую, как бьется в груди его маленькое сердечко.

Я будто чувствую, как делятся наши клетки по мере того, как мы растем, как мы разделяемся, становясь независимыми друг от друга живыми организмами.

Спаси меня, и я спасу тебя.

Так я и сделаю.

Так я и сделаю.

Просыпаясь, я вздрагиваю, свет заливают спальню.

Я укутана в одеяло до самого подбородка. Я высвобождаю из-под него одну руку и внимательно разглядываю ее. Между моими пальцами больше нет перепонок. Они длинные, каждый из них отделен от своих собратьев. Я шевелю ими, поставив руку против света.

Это был сон.

Это все мне просто приснилось.

Но мои мысли все еще спутаны. У меня никак не получается сконцентрироваться, и я замечаю какое-то движение в углу комнаты. Там какое-то существо с темными глазами. Оно пристально смотрит на меня несколько секунд, а затем исчезает, и я вспоминаю крик Финна:

«Здесь демон, Калла!»

Сердце замирает у меня в груди, я выпрямляюсь на постели и смотрю в пустой угол комнаты, где еще мгновение назад, могу поклясться, стоял тот черноглазый монстр.

Но это совершенно невозможно.

Невозможно.

Я так устала, силы покинули меня, я в полном замешательстве.

Встряхиваю головой, словно это поможет развеять мои странные мысли, но ничего не выходит. Будто густой туман, они заполняют собой всю мою голову, не оставляя места ни для чего другого.

За дверью слышны голоса.

– С ней все будет в порядке? – спрашивает моя мама взволнованно.

– Ее связь с реальностью очень тонкая.

Это тихое бормотание с грохотом прорывается сквозь мою панику.

Я замираю на месте, стараясь не двигаться и даже не дышать. За дверью снова раздается шепот.

– Нет, я не хочу этого делать. Во всяком случае, пока.

Этот голос похож на шипение змеи, он настойчив, нереален. Его просто не может быть на самом деле. Я не могу пошевелиться, чувствуя, как он обволакивает меня, а реальность уползает все дальше и дальше.

– Нам придется пойти на это. Она не захочет.

Ничего не понимая, я смотрю на деревянные дверные доски, вглядываюсь в их зернистую текстуру.

Неужели это происходит со мной наяву?

Или это мой разум играет со мной в какие-то злые игры?

Я сглатываю ком, подступивший к горлу, и делаю глубокий вдох.

– Все что угодно может вывести ее из себя, – предупреждает знакомый голос. – Поэтому с ней нужно обращаться очень бережно.

Со мной?

Дверь открывается, и я поднимаю глаза, чтобы обнаружить три фигуры, нависшие надо мной.

Мой отец.

Моя мать.

И некто, кого я не могу узнать, безликий, безымянный силуэт, отбрасывающий ужасающую тень. Я немного приближаюсь, чтобы убедиться, что это действительно он, хотя я прекрасно понимаю, что на самом деле это не может быть Финн.

Это совершенно невероятно.

Я отклоняюсь назад, пока моя спина не вжимается в кровать моего брата. Я – маленький загнанный олененок, а они охотники. Я их жертва, и я в опасности – не знаю, почему я так уверена в этом.

Но они прекрасно знают все ответы на мои вопросы.

– Калла, – обращается ко мне отец, его голос звучит кротко и успокаивающе, – все в порядке. С тобой все хорошо. Но сейчас ты должна довериться мне.

Его бледное лицо замерло в каменной маске. Напряжение пронизывает воздух в комнате, в нем ощущается опасность, и я понимаю, что едва ли могу дышать.

Я собираю всю волю в кулак.

Потому что где-то в глубине души отчетливо понимаю, что я не могу доверять никому.

Когда я вновь открываю глаза, в комнате пусто.

Они оставили меня.

Что бы они ни хотели мне сказать, теперь я в безопасности.

Потому что я в одиночестве.

На дрожащих ногах я поднимаюсь с постели и подхожу к ночному столику Финна. Беру в руки его медальон с образом святого Михаила и надеваю его. Если бы он взял его с собой в школу, то сейчас он был бы здесь, рядом со мной. С ним было бы все в порядке, он был бы в безопасности.

Сжав подвеску в ладонях, я нашептываю молитву, каждое слово вылетает из моего рта подобно птицам.

Святой Архангел Михаил, спаси нас в этой битве. Защити нас от слабости и проделок дьявола. Ему не устоять против Бога нашего, которому мы смиренно молимся. Помогни нам в этом, о князь Сил Небесных, наделенный Божьей волей. Свергни же в преисподнюю Сатану и все злые силы, что рыскают по миру в поисках сломленных душ. Аминь.

Я повторяю молитву трижды, чтобы она подействовала наверняка.

Теперь я в безопасности.

Теперь я в безопасности.

Теперь я в безопасности.

Теперь мне ничто не грозит. На мне медальон Финна. С ним ничто не способно мне навредить.

Я успеваю лишь вздохнуть с облегчением, чувствуя, как дрожит все у меня внутри, когда дверь в комнату со скрипом открывается, и я снова оказываюсь лицом к лицу со своим безумием.

Мои глаза расширяются от ужаса, я вглядываюсь в невозможное.

Финн.

Мой погибший брат.

Стоит на пороге спальни.

Словно ничего не произошло, он входит: на нем нет ни капли крови, он больше не напуган, в его глазах не осталось и следа безумия. Его волосы все такие же золотистые, а глаза – голубые, как и всегда.

Он садится рядом с кроватью, его лицо особенно бледно. Он сжимает мою руку в своей, и я чувствую его прикосновение, такое реальное. Он жив, он рядом со мной. Он дышит, у него теплая кожа, он здесь.

Я выдыхаю.

– Врач говорит, что ты сошла с ума, Калла, – с серьезным видом говорит он мне, – но если будешь исправно принимать все лекарства и соблюдать предписания, то все будет в порядке.

Я сошла с ума, и все будет в порядке.

Но будет ли?

Однако я лишь послушно киваю, потому что Финн снова рядом, и я соглашусь на что угодно, ведь он жив.

Он здесь.

И я здесь.

И мне неважно, что я сумасшедшая.

Финн сжимает мою руку в своей, и я могу дышать, я дышу, я дышу.

– Наш двоюродный брат здесь, – наконец произносит он, – он побудет у нас некоторое время. Он хороший, он тебе понравится.

Я киваю, но на самом деле это не играет для меня никакой роли. Все, что сейчас важно, – это то, что Финн здесь, а мне приснился жуткий кошмар, но он не имел ничего общего с реальностью.

В комнату входит мама и начинает суетиться вокруг, а папа старается говорить тихо, они просят меня оставаться в постели. А чуть позже появляется мой сводный двоюродный брат.

Когда он представляется, я слышу его низкий голос. Он на три года старше меня, и его зовут Дэр.

– Приятно познакомиться, – вежливо отвечаю я, хотя чувствую себя все такой же уставшей.

Я вглядываюсь в его лицо, и у меня перехватывает дыхание.

У него черные глаза.

Глава 3

Черные, как ночь, как тьма, как оникс. Обсидианово-черные, черные, как чернила. Я не могу держать себя в руках и постоянно вглядываюсь в его глаза, даже спустя несколько дней, когда Финн, он и я прогуливаемся вместе по тропинкам вокруг нашего дома.

– Почему ты так смотришь на меня? – нетерпеливо спрашивает он.

У него грязные руки, потому что весь день мы провели на пляже, гуляя по округе.

– Потому что у тебя черные глаза, – решительно заявляю я в ответ.

Думаю, честность – это лучшая тактика.

Он усмехается:

– Это неправда. Они карие.

Во мне загорается огонек надежды, и я продолжаю наблюдать за ним, пытаюсь запомнить, как солнце искрится в его глазах. Возможно, он прав. Его глаза очень-очень темные, но все же скорее карие. Как горький шоколад или смолистая кора дерева. Почти черные.

Но не совсем.

Я выдыхаю с облегчением.

Финн же тем временем наблюдает за мной. Он замечает мое облегчение, то, как я снова обретаю способность дышать.

– Калла, этого всего не было на самом деле. Ты же прекрасно это понимаешь!

Он произносит это очень мягко, потому что я рассказала ему обо всем. О том, как он захватил флаг, как он увидел демона, как он умер.

Сначала Финн смеялся, пока не понял, что я говорю абсолютно серьезно. А потом он заставил меня пообещать, что я ни за что не расскажу это врачу, потому что и врач, и родители уже считают, что я потеряла рассудок, и наблюдают за каждым моим шагом. Я должна много отдыхать, большую часть времени проводить в постели и принимать лекарства. Все это довольно утомительно.

– Никакого черноглазого монстра не существует, – тихо уверяет меня мой брат, так тихо, что его могу слышать только я.

Я продолжаю рассматривать глаза Дэра, стоя рядом с ним, пока он ищет на земле камушки, которые потом будет запускать по воде. Но я все еще не уверена, и Финн отлично понимает это.

– Поверь мне, – твердо убеждает он, – тебе придется мне поверить.

– Это было так реально, – наконец говорю ему я, не чувствуя в себе сил спорить, – но это был ты. Я имею в виду, ты был сумасшедшим, а потом умер. Ты умер, Финн. А когда я проснулась, ты оказался живым, а я – сумасшедшей. Я сумасшедшая. Я ничего не понимаю, Финн. Что со мной происходит?

Брат смотрит на меня, затем отводит глаза и берет меня за руку.

– Я не знаю. Но я не умер, и я не позволю тебе сойти с ума, Калла. Ни за что не рассказывай маме и папе о том, что ты видела. Ты можешь говорить об этом только со мной.

Я согласно киваю, потому что в его словах есть определенная доля мудрости. Они ни за что, ни за что не должны узнать об этом.

– Только ты и я, Калла, – торжественно заявляет он, и так как он мой брат, я понимаю, что он прав.

– Ты и я, – шепчу в ответ.

Он улыбается.

– Давай уже наконец дойдем с Дэром до пляжа, пока мама не обнаружила, что ты сбежала.

– Почему вообще я должна столько времени проводить в постели? – ворчливо огрызаюсь я, пока мы втроем быстро следуем вниз по каменистой тропе к песчаной насыпи берега.

Финн лишь пожимает плечами в ответ.

– Не знаю. Они просто хотят, чтобы ты отдохнула. Это поможет тебе прийти в себя.

А я хочу прийти в себя. Уж это я знаю наверняка.

Поэтому, когда немногим позже нас находит мама, взволнованная тем, что меня нет в кровати, мне остается лишь смиренно следовать за ней. По ступенькам я поднимаюсь в свою комнату и подхожу к окну, чтобы понаблюдать за Финном и Дэром.

Они строят крепость из горстки веток, смеются, бегают друг за другом, уже позабыв о том, что меня больше нет с ними, их лица сияют.

Я должна была играть там вместе с ними.

Я ничего не могу поделать с волной негодования, закипающей внутри меня, берущей начало в области пяток, разливающейся по всему телу, бегущей к пальцам рук и к самому сердцу. Я тоже должна была играть и бегать вместе с ними. Но уж точно не быть в заточении здесь, в этой спальне. Мой новоиспеченный сводный двоюродный брат не должен был занимать мое место в игре с Финном.

На его месте должна была быть я.

– Калла, моя любимая девочка, – бормочет мама, возвращаясь в мою комнату, в одной руке у нее стакан яблочного сока, а в другой – горстка таблеток: все они разных цветов и выглядят как драгоценные камушки, но на вкус оказываются хуже куска грязи, – послушай меня, пожалуйста. Тебе нужно отдохнуть, чтобы пойти на поправку. Ты мне веришь?

Я киваю, потому что она моя мама, и, конечно же, я должна ей верить. Что за странный вопрос? Я поворачиваюсь к ней и послушно протягиваю обе руки, в которые она высыпает таблетки. Моя милая мама с жалостью смотрит на меня, отбрасывая прядь ярко-рыжих волос с моего лба.

– Это стоит того, – уверяет она меня, – обещаю тебе, Калла.

Но я что-то слышу в ее голосе, что-то, что-то, что-то. Как будто она пытается убедить саму себя, а не меня. Эта хрупкость, эта неуверенность.

Но затем она отворачивается и уходит, оставляя меня в одиночестве.

Я возвращаюсь в постель и ложусь на бок, натягиваю одеяло до самого подбородка и бессмысленно смотрю в окно. Препараты, которые я приняла, опускают завесу тумана над моим разумом, все в моей голове оказывается покрыто пеленой, мутной темной пеленой. Я не могу побороть навалившуюся на меня сонливость. Она здесь, она слишком тяжелая, от нее все перед глазами становится мутным и расплывается.

Но прежде чем я полностью теряю способность видеть, а тьма застилает собой все вокруг, я замечаю Финна и Дэра на лужайке. Они играют и смеются, но совершенно внезапно Дэр останавливается и поднимает голову вверх, и его темные-темные глаза встречаются с моими.

Он пристально смотрит на меня, глядит сквозь меня, видит меня насквозь.

У меня перехватывает дыхание, потому что есть в этом что-то странное, нечто, что выводит меня из себя.

Дэр поднимает в воздух одну руку и машет мне, а затем убегает вместе с моим братом в гущу деревьев.

С моим братом.

Моим.

Негодование снова переполняет меня, потому что я вынуждена лежать здесь, в своей постели, а он там, на улице, вместе с моим братом, играет с ним в наши любимые игры.

С моим братом.

Моим.

Моим.

Но я больше не могу сдерживать темную волну, застилающую мои глаза, и она поглощает все вокруг, даже мое негодование, даже мое неутолимое желание играть. Она накрывает меня

с головой, притупляя все мои чувства и эмоции. Я погружаюсь в сон, я теряюсь... в своих фантазиях, кошмарах, реальности.

Кто вообще сможет их различить?

Там есть Финн, там есть Дэр, и мой брат протягивает мне руку. Потому что это я должна быть рядом с ним, а не Дэр. Я должна кричать от радости, прыгать и смеяться.

Мы убегаем вдвоем подальше от Дэра, поближе к скалам, поближе к морю.

Когда я оглядываюсь через плечо, Дэр стоит и смотрит нам вслед.

На его лице самое печальное выражение, которое мне когда-либо доводилось видеть. Он не двигается с места, чтобы догнать и поймать нас, и я понимаю, что он сдался.

И он тоже это знает.

Ему не место в одной игре с Финном. Там есть место только для меня.

Финн – мой.

* * *

Проснувшись, я слышу голоса, разносящиеся по комнатам нашего дома. Я улавливаю запах гвоздик, лилий и других похоронных цветов – аромат смерти.

Аккуратно я крадусь через комнату, а затем вниз по лестнице.

Повсюду стоит запах свежей выпечки и кленового сиропа, который я пытаюсь вдохнуть в себя целиком.

– Сегодня какой-то праздник? – спрашиваю я маму, потому что выпечку она готовит только в очень особенные дни.

Продолжая суетиться по кухне, она бросает на меня взгляд.

– Твоему двоюродному брату придется уехать раньше, чем планировалось. Его преподаватель по латыни вернулся досрочно.

– Латынь?

Мама кивает.

– Ваша бабушка хочет, чтобы вы все знали латынь. Ты и Финн тоже будете изучать ее, но позже. Думаю, вы сможете начать уже в следующем году.

– Можешь начать прямо сейчас, – вмешивается в наш разговор Дэр, и только теперь я замечаю, что он сидит на диване, удобно откинувшись на спинку, а колени укрыты пледом. Его кожа выглядит бледнее, чем мне показалось вчера. – Например, «iniquum» переводится как «несправедливость».

Мой язык произносит нечто непривычное и неслыханное прежде: «iniquum».

Мама протягивает Дэру тарелку с горячим завтраком, от которой в воздух поднимается пар. Он хочет встать с места, чтобы взять блюдо самому, но она останавливает его, жестом показывая, чтобы он оставался на месте.

– Не беспокойся, милый. Посиди, отдохни.

Отдых.

До меня внезапно доходит, что никто не собирается отчитывать меня за то, что я встала с постели.

– Твой отец убьет меня, если узнает, что я позволяю тебе перетруждаться, – добавляет мама так, будто она совсем забыла, что не далее чем вчера он бегал вместе с Финном по лужайке и играл с ним в салки.

– Ты ударился? – с любопытством спрашиваю я у него.

Он смотрит на меня и закатывает глаза.

– Нет.

Я ничего не понимаю, совсем ничего. Я бросаю взгляд на своего брата в надежде, что он сможет мне все разъяснить, но Финн ведет себя как обычно, словно все происходящее в порядке вещей, словно это Дэру, а не мне, положено соблюдать постельный режим.

Не мне.

– Что происходит? – шепчу я, чувствуя себя безнадежно потерянной.

Комната вокруг меня начинает вращаться, и все присутствующие двигаются будто в ускоренной съемке, а я единственная, кто остается на месте и в реальном времени.

Мама кидает на меня быстрый взгляд.

– Я же говорила тебе, милая. Дэру нужно вернуться в Англию. Не волнуйся. Мы тоже поедem туда совсем скоро: ведь мы бываем там каждое лето.

Разве мы когда-то бывали там?

Я смотрю на Финна, и он выглядит очень радостным, словно ему не терпится поскорее отправиться в Англию, словно мы и правда ездим туда каждое лето всю свою жизнь. Но проблема в том... что у меня не осталось об этом совсем никаких воспоминаний.

– Я и правда схожу с ума, – мягким голосом говорю я сама себе, – я действительно безумна, как они все мне говорят. Я безумна.

Финн берет в руки тарелку и протягивает ее мне, на ней горячие блинчики с орехом пекан и кленовым сиропом, от них идет пар.

Это словно пища богов на круглом куске фарфора.

Я это точно знаю.

Я откусываю кусочек, потом следующий, но на третьем я понимаю, что не могу двигать языком.

На секунду мне кажется, что это снова глупые шутки моего сознания, что это мой мозг заставляет меня думать, будто я перешла в режим замедленной съемки, в то время как все вокруг движется слишком быстро. Но затем я вижу, как бессильно опускаются мои руки на стол передо мной, а мама подскакивает со своего места, чтобы подхватить меня. Я не могу дышать, не могу дышать, не могу дышать.

– Калла! – резко вскрикивает она, похлопывая меня рукой по спине: она считает, что я просто подавилась.

Но я не подавилась, я просто не могу дышать.

Я пытаюсь обхватить пальцами свою шею, свое лицо, достать до своего языка.

Воздуха!

Воздуха!

Но воздух, который я пытаюсь отчаянно проглотить ртом, не спускается вниз в легкие.

Свет.

Яркий свет.

Я погружаюсь в него полностью. Мне кажется, я умираю.

Внезапно ко мне приходит осознание, что именно так это и происходит.

Так к людям приходит смерть.

Ее объятия теплые, мягкие и гостеприимные.

В них уютно, как дома.

Она пахнет совсем не так, как раствор для бальзамирования тел или погребальные лилии, не имеет ничего общего с ароматами, которые пронизывают воздух здесь, в похоронном бюро. Она пахнет дождем, свежескошенной травой, облаками.

Ласковый свет обволакивает мое тело, и я больше не чувствую саднящей боли внутри горла.

Больше никакой боли.

Я легкая, как перышко.

Я легкая, как облачко.

Свет наполняет меня изнутри, заставляет парить над землей.

Я держусь в воздухе под самым потолком, глядя сверху на себя, на свое маленькое тело, лежащее на полу. Ярко-рыжие волосы веером растеклись по поверхности, словно багровая лужа крови, этот цвет впечатляет, притягивает. Он кажется бесконечным. Но отвлекает меня от этого зрелища ослепительный свет, заливающий своим ярким, как солнце, сиянием всю комнату, ударяя мне прямо в глаза. Я вдруг понимаю, что готова уйти, отпустить свою жизнь и уплыть вдаль вместе с лучом этого света. Я уже готовлюсь к тому, чтобы выскользнуть из окна и прикоснуться к этому небесному сиянию, когда я внезапно бросаю взгляд на лицо моего брата.

Он бледен как смерть.

Он в ужасе выкрикивает мое имя, сжимает мою руку, трясет мое тело, раскинувшееся на полу.

Я в нерешительности замираю, стоя на подоконнике, хотя луч света подобрался к самым моим носкам.

Я не могу.

Я не могу.

Я не могу бросить его.

Я не могу оставить его здесь совсем одного.

Сначала он покинул меня, но потом оказалось, что на самом деле Финн никуда не уходил. Он бы ни за что не оставил меня одну, и я тоже не поступлю так с ним.

Со вздохом я спускаюсь с подоконника и возвращаюсь обратно в свое тело, а когда вновь открываю глаза, я уже в больнице.

– У тебя аллергия на орехи! – торжественно говорит мне медсестра.

Мои мама и брат сидят рядом с моей кроватью.

– Никогда больше не ешь орехи, – предупреждает мама, ее глаза полны ужаса.

– Ты умерла на полторы минуты, – рассказывает Финн, и на его лице больше нет ни капли страха, скорее, произошедшее кажется ему чем-то очень любопытным.

Он знает, что теперь я в безопасности. Потому что я уже умерла, но потом вернулась к жизни.

Наверное, я должна чувствовать себя как-то иначе, чем прежде, но все так же, как раньше.

И мне все это кажется любопытным приключением.

Глава 4

Поместье Уитли

Сассекс, Англия

Наше путешествие оказывается чудовищно долгим.

Мы летим первым классом, но там внизу, в отдаляющейся от нас Америке, остались мой папа и моя комната. И хотя бортпроводники подходят достаточно часто, чтобы проверить, не нужно ли нам что-нибудь, а еще угощают меня яблочным соком, печеньем и укрывают уютным пледом, это все не стоит того. Я точно знаю, что оно того не стоит.

Мои ноги сводит судорога, и я растираю их ладонями, искоса поглядывая на Финна.

– Не хочу в Англию, – говорю я ему.

Он шипит на меня, прижимая палец к губам и призывая меня говорить тише: взглядом он указывает на нашу маму, расположившуюся по другую сторону прохода. Она крепко спит: здесь нужно сказать спасибо ее снотворному. Я закатываю глаза.

– Она не двигается уже три часа.

– И что с того? Ты думаешь, она тебя не слышит?

– Ну, у нее ведь нет бионических ушей, – не отступаю я.

Но потом я резко замолкаю, потому что какая польза была бы ей от такого приспособления.

– Просто я не хочу туда, вот и все, – продолжаю я еще тише. – Папа не хотел, чтобы мы уезжали, я готова поклясться. Не понимаю, зачем вообще нам туда ехать.

Финн озирается на маму через плечо, а затем нагибается поближе ко мне.

– Я слышал, как они разговаривали прошлой ночью. Мама сказала, что нам нужно туда поехать, потому что ее семья сможет помочь тебе.

Я отшатываюсь от него в смятении.

– В чем они хотят мне помочь?

В глазах брата я читаю некое опасение.

– Не знаю. А ты?

Я решительно встряхиваю головой в ответ:

– Нет. Понятия не имею. И вообще, мне не нужно, чтобы кто-то мне помогал.

Весь остаток полета я больше не произношу ни слова, и наконец-то мы приземляемся в Лондоне. Мама с легкостью просыпается, посвежевшая после нескольких часов сна. А вот меня все эти приключения порядком утомили: на ватных ногах я пробираюсь вместе со всеми сквозь многолюдные залы аэропорта.

Водитель в черном костюме ждет нас на выходе, и мы направляемся к черному блестящему лимузину.

– Меня зовут Джонс, – серьезно представляется он, а я замечаю только его огромный нос, – я буду присматривать за вами, пока вы здесь, в Англии, – сообщает он нам с Финном.

Присматривать за нами?

Обменявшись взглядами, мы с братом запрыгиваем в дорогую машину.

Но, кажется, маме ничто из этого не кажется необычным, вместо этого она предается воспоминаниям и болтает всю дорогу, пока наша машина минует город, затем проезжает окраины и устремляется к безбрежному зеленому простору полей.

– Посмотрите туда! В том пруду я училась плавать, – говорит моя мама.

Я замечаю маленький, совсем крошечный водоем, почти незаметную кляксу, чернеющую среди зеленых просторов. Разве его можно сравнить с Тихим океаном, водоемом, в котором училась плавать я? Мне остается только пожалеть ее, но, кажется, маму это совсем не печалит.

Теперь, когда мы оказались здесь, отличие ее произношения от нашего стало особенно заметно: например, она говорит «бывали», вместо «были», а «план» называет «распорядком». И почему я не замечала этого раньше?

Финн наклоняется ко мне и сжимает мою ладонь в своей.

– Я думаю, мы почти приехали, – замечает он, и я смотрю в ту сторону, куда направлен его взгляд.

Шпильки прорываются сквозь кроны деревьев на горизонте: башни, возведенные из камня, и крыши, обитые черепицей. Я зачарованно разглядываю этот вид из окна, когда мы въезжаем в ворота, в то время, как колеса нашего автомобиля скрипят по мощенной брусчаткой дороге. Наконец мы останавливаемся на пороге перед огромным домом. Хотя фактически это настоящий дворец.

– Дети, это Уитли, – говорит мама. Она уже открыла дверь машины со своей стороны и спустила ноги на брусчатку.

Я смотрю на особняк, возвышающийся за ее плечами.

Он невероятно огромный, пугающий и в то же время прекрасный.

Все эти качества смешались в нем воедино.

Для него можно подобрать много подходящих определений, но, пожалуй, главный эпитет, который больше всего подходит этому зданию, – «устрашающий».

Около него стоит хрупкая женщина, которая ждет мою маму, чтобы обнять ее.

Она притаилась около парадных дверей, будто крошечная птичка. У нее смуглая кожа, а вокруг головы повязан цветастый платок: кажется, ее сияющие черные глаза могут заглянуть в самые потаенные уголки моей души. От этого взгляда я вздрагиваю: она улыбается мне кривой усмешкой, словно отлично знает, что я сейчас чувствую. Да и вообще, у меня создается ощущение, что она знает обо мне все – что она знает все на свете.

Она представляется нам Сабиной, хотя мама называет ее просто Сабби. Так, словно они знакомы уже лет сто, хотя до сегодняшнего дня я ни разу не слышала, чтобы кто-то упоминал о ней. Все это кажется мне какой-то бессмыслицей, и мне становится любопытно, испытывает ли Финн то же самое, что и я.

Но, кажется, он не чувствует и капли моего потрясения и замешательства, пожимая руку Сабины. Он серьезно улыбается ей и вежливо произносит:

– Приятно с вами познакомиться.

Наступает моя очередь, и я ловлю на себе пристальный взгляд Сабины, ее темные глаза пронизывают меня насквозь, будто она пытается прочесть мои мысли.

– Приятно познакомиться, – выдавливаю я из себя заученную вежливость.

Уголки ее губ приподнимаются, морщинистая рука хватается мою. Ее кожа холодна, как лед, и по спине снова пробегает дрожь. В ответ она улыбается, и что-то в ее манерах выводит меня из себя, волоски на моей шее становятся дыбом, а каждый позвонок в моей спине выстраивается в идеально прямую линию.

– Смерть предрешена, я вижу. Жребий был брошен, – очень тихо бормочет она себе под нос, и я единственная, кто это слышит.

– Что? – смущенно переспрашиваю я.

Но она встряхивает головой.

– Не беспокойся, дитя, – твердо говорит она мне, – тебе не стоит переживать об этом, во всяком случае, пока.

Но я не могу не беспокоиться, потому что ее слова прочно оседают в моей голове.

Она ведет нас к нашим спальням и на пути поворачивается ко мне.

– Здесь ты должна меня слушаться, – сообщает она как само собой разумеющееся, так, словно я никогда не помышляла о том, чтобы спорить с ней. Я открываю было рот, но ее пронзительный взгляд не позволяет мне произнести ни слова. – Я обеспечу тебя всеми необходи-

мыми снадобьями и препаратами, чтобы ты могла держать в руках свою... болезнь. Я делаю это в твоих интересах. И в интересах этой семьи. Ты должна довериться мне.

Ее речь звучит как неоспоримое утверждение, а не вопрос ко мне.

Она останавливается около двери в комнату Финна и позволяет ему войти, а затем мы продолжаем наш путь по коридору по направлению к моим покоям.

Перед большой деревянной дверью она поворачивается ко мне лицом.

– Если тебе что-то понадобится, сразу зови меня.

Она оставляет меня совсем одну в огромной комнате, напоминающей пещеру.

– Смерть предрешена, – полушепотом бормочу я себе под нос, бессмысленно уставившись на свой чемодан: он стоит в ожидании, пока я распакую его, но моя спальня слишком большая, чтобы я могла почувствовать себя здесь как дома.

Домой – вот куда мне хотелось бы вернуться больше всего на свете, только бы подальше от этого странного места, от всех этих людей с их загадочными словами и повадками.

– Что ты сказала? – спрашивает с порога Финн.

Некоторое время он просто стоит и смотрит на меня, а затем заходит в комнату и озирается по сторонам.

– Моя спальня мне нравится больше, – сообщает он, так и не дождавшись ответа.

Пока мне не довелось увидеть его комнату, поэтому я не берусь спорить, но в душе чувствую огромную благодарность за то, что он не стал повторять свой вопрос. Эти слова – просто какой-то бред, и я вообще предпочла бы, чтобы он не слышал, как я их произношу.

Смерть предрешена.

Что это значит?

Финн вприпрыжку скачет через всю комнату и плюхается в кресло из синего бархата, стоящее около окна. Мягкая подушка сиденья под ним издает протяжный скрип, и мой брат переводит взгляд на пейзаж за стеклом.

– Этот дом такой огромный! – восхищенно произносит он, словно это и без того не очевидно. – А еще Сабина сказала мне, что у нас будет собака.

Это заставляет меня немного воспрять духом. Потому что дома нам нельзя было заводить собаку, ведь у папы аллергия на животных.

– Собака?

Финн кивает в ответ с видом вестника хороших новостей.

Это место становится лучше в моих глазах.

Совсем капельку.

Мой брат помогает мне распаковать вещи и убрать одежду в шкаф. Я замираю, глядя на гигантскую кровать.

– Мне будет страшно спать здесь, – тихонько проговариваю я.

Финн мотает головой.

– Если хочешь, я приду спать к тебе. Тогда никто из нас не будет один.

Мне никогда не грозит одиночество – это одно из преимуществ жизни близнецов. Я улыбаюсь, и мы вместе находим столовую: когда мы вдвоем, никто из нас не одинок. К тому же если мы придем раньше, то нет риска опоздать к ужину.

Он проходит именно здесь, вокруг самого большого стола, который мне когда-либо доводилось видеть, и именно здесь мы впервые встречаем нашу бабушку.

Элеанора Саваж восседает во главе, ее волосы собраны в пучок. На ней платье и украшения из жемчуга, и выглядит она совсем не радостной, хотя и говорит, что рада наконец встретиться с нами. Она делает акцент на слове «наконец», бросая выразительный взгляд на нашу маму, когда произносит это.

Мама сглатывает, но ничего не отвечает. Это кажется мне любопытным. Мама боится бабушку. Но чуть позже, снова глядя на эту суровую пожилую женщину, меня осеняет мысль, что, должно быть, она наводит страх на всех.

Элеанора бросает на меня взгляд.

– Мы всегда содержали пару ньюфаундлендов у нас в поместье Уитли. Но недавно нам пришлось усыпить старых псов. Вам с братом выпадет честь выбрать двух новых собак. Сука наших соседей недавно оценилась.

Я понятия не имею, что значит «оцениться», и мне всегда запрещали произносить вслух слово «сука». Но мне приходится кивнуть из вежливости, потому что она явно от меня этого ожидает и ведет себя так, как будто оказывает нам великую честь. Она ни разу не сказала ничего вроде «Добро пожаловать в Уитли. Я ваша бабушка, я вас люблю и буду заботиться о вас». Вместо этого она любезно позволяет нам выбрать новых щенков, которые будут жить в поместье.

Я ничего больше не говорю, потому что на самом деле я очень хочу собаку и боюсь, что, если задам хоть один вопрос, она передумает.

Вместо этого я стараюсь сконцентрироваться на своем ужине, который представляет собой странное блюдо: стейк, начиненный почками. Я размазываю по тарелке смесь из внутренних органов, которая выглядит совсем не аппетитно, но внезапно ловлю на себе мамин взгляд: она недовольно взметнула одну бровь вверх. Мне ничего другого не остается, кроме как нехотя положить кусочек в рот. На вкус это блюдо похоже на мясо, но по ощущениям больше напоминает кусок резины, от чего мне кажется, что меня вот-вот вывернет наизнанку. Я проглатываю эту омерзительную еду, даже не прожевав.

– А где наш двоюродный брат? – внезапно спрашивает Финн, и только сейчас я замечаю, что успела совсем о нем забыть, о том мальчике, с которым мы познакомились в прошлом году: о мальчике с темными, почти черными глазами.

Мальчике по имени Дэр.

Наша бабушка смотрит на нас свысока.

– Адэр ужинает в крыле своего отца. И впредь вам должно быть известно, что детям не позволено задавать много вопросов здесь, в Уитли.

Я сглатываю, потому что атмосфера здесь слишком суровая, и от этого мне становится страшно, как меня пугает и то, что Уитли, должно быть, невероятно огромное поместье. Настолько огромное, что у каждого из нас свое отдельное крыло, собственные спальни, свои личные покои. Оно похоже на остров, затерянный где-то посреди Англии.

Меня выводит из равновесия и то, что моя бабушка явно недолюбливает Дэра. Это слышно по ее голосу, в котором буквально сквозит неприязнь и отвращение. Мне становится любопытно, за что она так ненавидит его, но лишь ненадолго. Возвращаясь в свою огромную спальню, я стараюсь выкинуть это из головы. Это не мое дело. Он всего лишь мой сводный двоюродный брат, и я даже не знаю его толком. Как сказал бы мой папа, не моего ума дело.

Утром Сабина будит меня легким стуком в дверь.

– Пойдем со мной, дитя, – зовет меня она, и ее голос похож на потрескавшийся кусок старой коряги, – настало время выбрать щеночков.

В моей груди поднимается мощная восторженная волна, и я подсакиваю с постели, быстро передеваясь из пижамы в свою повседневную одежду. Собака! Она ни за что тебя не осудит, будет любить тебя, несмотря ни на что, и никогда не будет считать тебя сумасшедшим. Мне не терпится поскорее увидеть свою собственную собаку.

Мы болтаем с Финном по пути к дому наших соседей, Сабина же сидит за рулем старого грузовичка. Когда мы прибываем на место назначения и выбираемся из машины, нас окружает стайка пухленьких черных щеночков, и проходит совсем немного времени, прежде чем

я выбираю одного с большими грустными глазами, а Финн – вертлявого малыша, постоянно виляющего хвостом.

– Это сейчас они маленькие, – предупреждает нас Сабина, – но скоро они вырастут и будут больше вас двоих. Их нужно грамотно дрессировать, чтобы они выросли смиренными и послушными.

– Как мы их назовем? – спрашивает Финн, держа своего щенка, который так и норовит выскользнуть у него из рук, по дороге обратно в Уитли.

Сабина бросает на нас беглый взгляд.

– Их будут звать Кастор и Поллукс². Эти имена отлично подойдут.

Мне кажется необычным, что она уже придумала клички для них, но потом решаю, что это не так уж важно. Потому что на моих коленях спит маленький пушистый щенок, а именно об этом я мечтала всю свою жизнь. Просто до сегодняшнего дня не осознавала этого.

Только когда мы прибываем обратно в Уитли и отправляемся на кухню, чтобы покормить наших новоиспеченных питомцев, я вспоминаю о нашем сводном двоюродном брате.

– А разве Дэр не должен был выбрать своего щенка? – спрашиваю я Сабину, моя рука замирает на голове Кастора.

Она резко встряхивает головой и отводит глаза.

– Нет.

Ее ответ звучит так незамедлительно быстро и твердо, что это вводит меня в замешательство.

– Но почему?

– Потому что, дитя, сейчас это не имеет значения. А теперь вспомни, что вчера сказала вам двоим ваша бабушка: детям не положено задавать здесь много вопросов.

Я впервые замечаю незавидное положение, которое занимает в этом доме Дэр: его роль здесь совсем незначительна. Мне это не нравится и кажется несправедливым. Дэр заслуживает того же, чего и я. Он такой же внук Элеаноры, как и я. Тогда почему с ним поступают так, будто он чем-то отличается от нас, словно он здесь лишний?

Эти мысли вселяют в меня ужасающие ощущения, у меня сосет под ложечкой – до того это все тяжело и неприятно.

Я пытаюсь изо всех сил, но это ощущение не покидает меня.

Мы ложимся спать вместе с Финном, а Кастор и Поллукс сворачиваются клубочками у нас в ногах, но одиночество и беспокойство продолжают пожирать меня изнутри от одного осознания того, что в одном доме со мной находится кто-то живой, но абсолютно незначимый для окружающих.

И если сегодня это Дэр, то завтра на его месте могу оказаться я.

Я могу оказаться лишней.

² Кастор и Поллукс – братья-близнецы в древнеримской и древнегреческой мифологиях. Рождены Ледой от двух отцов: Зевса (Бога) и Тиндарея (смертного человека). Соответственно, рожденный от Зевса мог жить вечно, а человеческий сын был смертен, как и его отец. Когда умер Кастор, Поллукс попросил Зевса, чтобы тот дал умереть и ему. Но громовержец предоставил ему выбор: либо жить вечно на Олимпе без брата, либо быть вместе с ним, но один день жить на Олимпе, а на следующий спускаться в царство Аида. Поллукс выбрал второе. Именно к этой легенде относится созвездие Близнецов.

Глава 5

Поместье Уитли

Сассекс, Англия

Мне снится, что я не могу дышать, будто что-то, что-то, что-то душит меня. Я пытаюсь, отчаянно пытаюсь сделать хоть один вдох или элементарное движение, но у меня просто-напросто ничего не выходит. Я вздрагиваю и просыпаюсь: Кастор спит прямо на мне, придавив меня к кровати всем своим весом.

– Уфф, Кастор, подвинься, – бормочу я, потому что он дышит мне прямо в нос, от чего меня начинает тошнить, а его слюни стекают мне на шею.

Он только начинает дышать чаще и ни на сантиметр не двигается.

– Ты такой огромный! – с любовью говорю ему я, почесывая его гигантскую голову. Мы вернулись в Уитли только вчера, а Кастор и Поллукс сразу же нас узнали, словно мы никуда и не уезжали, – никогда бы не подумала, что собака может вымахать до таких размеров!

Мне кажется, по размеру его можно было бы сравнить с маленькой лошадкой, а его лапы больше моих ладоней. Это уж я точно знаю. Я сама сравнивала. А весит он столько же, сколько и Финн, а может, даже больше. Я очень люблю его. Я люблю его так же сильно, как в прошлом году, так же сильно, как любила его всегда. Или еще сильнее. Он такой большой, что я точно уверена: рядом с ним мне не грозит никакая опасность. Никогда. По какой-то необъяснимой причине мне кажется, что это важно.

– Пойдем, я приготовлю тебе завтрак, малыш. – С этими словами я поднимаюсь с кровати, а Кастор несется следом за мной, его когти царапают гладкий каменный пол, когда мы пробегаем через коридоры и комнаты, словно сильный и могучий лось мчится прямо передо мной: в нем нет и капли хрупкости.

Я останавливаюсь перед комнатой Финна и тихонько заглядываю в приоткрытую дверь: улыбка расплзается по моему лицу, когда я вижу, как Финн и Поллукс распростерлись на простынях и крепко спят. Поллукс настолько же гигантский, как и Кастор, и его крепкое тело заставляет громадную кровать казаться крохотной. Увидев меня, он приподнимает уши, но не двигается с места.

– Тсс, малыш, – шепчу я ему, и он закрывает глаза, словно понимает мое желание. Я хочу, чтобы брат хорошенько выспался.

Мы еще не до конца справились с акклиматизацией, поэтому кажется, что весь мир перевернулся с ног на голову.

Наконец мы оказываемся на кухне, и, кроме нас, там пока никого нет. Это немного странно, но вполне объяснимо: еще слишком рано для подъема в обычный день, когда ни у кого не запланировано ничего важного. Дурацкая акклиматизация. Я насыпаю корм в миску Кастора, а сама беру из хлебницы рулет и завтракаю им.

Когда мы заканчиваем, на кухне все еще пусто.

Поэтому мы с Кастором решаем отправиться на улицу. Нам приходится продираться сквозь туман, застилающий все тропинки: здесь я могу почувствовать себя первооткрывателем.

Очень быстро я начинаю жалеть о том, что не надела свитер. Промозглый и колючий утренний ветер заставляет меня ежиться от холода, а солнце лишь немного выглядывает из-за горизонта. Мое тело покрывается мурашками, и пупырышки на ногах трутся друг о друга при ходьбе, словно я полностью покрыта тысячами крошечных колючих муравейников.

Над горизонтом расстилаются сиреневые, розовые и бордовые полосы, а солнечный диск поднимается из-за края земли и кажется неестественно огромным: наверное, потому, что просторы поместья Уитли такие бескрайние. Я потрясена красотой этого утреннего пейзажа, когда внезапно до меня доносится какой-то шум.

Словно камушек, который катится по дорожке. Звук скольжения, нечто, что беспардонно врывается в утреннюю тишину, ломает ее.

Я останавливаюсь, но Кастор бросается вперед и мчится куда-то вдаль без меня. Я вижу только то, как его гигантское тело буквально летит по направлению к конюшням, потому что весь он в нетерпении найти источник странного звука.

– Кастор! – пытаюсь подозвать его я, но он даже не оглядывается на меня.

– Кастор, – вторит мне более мужественный, чем мой собственный, голос, буквально взрывая тишину, и пес останавливается у ног Дэра, – сидеть!

Кастор немедленно и покорно садится перед ним.

Я благоговейно наблюдаю за происходящим.

– Как тебе это удалось?

Дэр поднимает на меня взгляд. Полагаю, ему сейчас... одиннадцать. Его волосы немного взлохмачены, и они почти достают до его плеч. Но его глаза... они почти не изменились.

Темные.

Темные.

Темные, словно густая ночная тьма.

– Тебе нужно быть потверже, – говорит он мне, и я замечаю, что его голос начал ломаться, а говорит он с превосходным британским акцентом, – ты должна показать, кто здесь главный. За этот год их много дрессировали, но они все еще щенки. Старайся держать его под контролем.

Я немного сомневаюсь, потому что мне кажется, что Кастор вдвое, а то и втрое больше меня. Зачем ему меня слушаться?

– Позови его, – объясняет мне Дэр, – потверже. Скажи ему: «Кастор, ко мне!»

Я так и делаю, стараясь передать выражением своего лица всю твердость и настойчивость Дэра.

Кастор удивленно смотрит на меня, но не двигается. Дэр раздражается хохотом.

– Ты должна позвать его так, чтобы он почувствовал твой авторитет, мышоночек.

Я высоко поднимаю подбородок.

– Не смей меня так называть. Я тебе не мышь!

Он смеется.

– Значит, веди себя иначе. Позови его так, как будто тебе это действительно необходимо.

Мои губы искривляются в усмешке, и я выпаливаю:

– Кастор, ко мне!

Кастор поднимается и идет прямо ко мне. Он становится напротив, ожидая следующей команды.

– Сидеть.

Он садится.

Как будто по мановению волшебной палочки.

Дэр улыбается, обнажая свои белоснежные зубы.

– Вот видишь. Он очень сообразительный. И я уверен, что он все еще помнит тебя. Они оба были натренированы на ваши запахи.

– Наши запахи?

Дэр кивает:

– Да. Твой и твоего брата. Сабина сохранила несколько ваших рубашек специально для них. И это сработало, как ты можешь заметить. Он тебя узнает.

На этот раз киваю я, потому что не могу с ним поспорить. Пес и правда узнал меня. Но это немного странно, что мой запах так активно использовался весь этот год, а я даже не знала об этом, хотя, пожалуй, довольно глупо так серьезно думать об этом. Ведь, по сути, мой запах мне не принадлежит. Если подумать. Я оставляю его на вещах и там, где бываю, и так

он распространяется вокруг. И с того момента, как я оставляю его где-то, он больше не может впитаться обратно в меня.

Дэр отправляется на прогулку вместе со мной, излишне угловатый и слегка неуклюжий, но мне он кажется таким утонченным, что я сразу чувствую его принадлежность к высшему обществу. Да и в конце концов, он на целых три года старше меня. Одиннадцатилетки в школе даже не наградят меня своим взглядом. Ну ладно, разве только для того, чтобы обозвать меня призраком похоронного бюро. Это воспоминание заставляет меня поморщиться, Дэр это замечает и смотрит на меня с любопытством:

– Что такое?

Я сглатываю: ни за что на свете я не открою ему свои мысли, мне слишком стыдно от них.

– Ничего особенного. Лучше расскажи, что ты делаешь на улице так рано?

На этот раз мне кажется, что его лицо морщится от секундной судороги, но ему почти сразу удается спрятать это.

– Только в это время я могу выходить, – пожимает плечами он, но все же не утруждается разъяснениями, – только не говори Сабине, хорошо?

Я думаю, что с его стороны довольно глупо просить меня об этом, ведь мы не делаем ничего плохого, но я все равно соглашаюсь:

– Хорошо. Но все же, чем ты занимаешься здесь?

Он снова пожимает плечами:

– Ничем. Просто брожу.

Он выглядит очень умным. Наверное, дело в том, что на нем пиджак.

– Можно я погуляю с тобой? Я не знаю, куда идти.

Дэр немного колеблется, но все-таки согласно кивает:

– Ладно. Но ты должна вести себя очень тихо. Мы же не хотим разбудить взрослых?

– Здесь все такое огромное, – отвечаю я, – никто не сможет услышать, как мы ходим здесь.

– Здесь глаза повсюду, – предостерегает он меня, – даже не сомневайся.

– Поняла, – отвечаю я, потому что он хочет, чтобы я с ним согласилась.

Но я думаю, что у него что-то вроде паранойи и его страхи ничем не обоснованы.

Мы направляемся по тропинке к широким полям, отходя все дальше и дальше от дома, а Кастор бежит впереди в паре шагов от нас. Время от времени он поднимает в воздух свою морду с огромным носом и принюхивается к ветру, будто проверяет, проверяет, проверяет, нет ли рядом кого-то или чего-то подозрительного.

– Что он пытается унюхать? – с любопытством спрашиваю я у Дэра.

– Что-то, – предполагает в ответ он, – все вокруг. Кто знает? Героизм – одно из ключевых качеств ньюфаундлендов. Думаю, он мог бы умереть, защищая тебя.

– А тебя? – спрашиваю я.

Дэр бросает на меня удивленный взгляд.

– Возможно. Но это не мой пес. Он твой.

Мне до смерти хочется спросить, почему ему нельзя завести свою собственную собаку, потому что, очевидно, Кастор ему очень нравится. Но я так и не решаюсь. Меня не покидает странное чувство, что этот вопрос может его обидеть, задеть его чувства, а мне этого совсем не хочется. У меня внутри появляется странное восхищение этим мальчиком и его темными глазами.

Дэр останавливается посреди тропинки, и мне кажется, что он пытается задержать дыхание. Я вдруг замечаю, что он очень бледный: гораздо бледнее, чем последний раз, когда я его видела. Я касаюсь пальцами его локтя.

– С тобой все в порядке? – быстро спрашиваю я, и он отскакивает от моего прикосновения, как от огня.

– Конечно, – молниеносно отвечает он. – А у тебя есть какие-то сомнения?

Да, у меня есть сомнения, потому что тебе сложно дышать.

Но тем не менее я предпочитаю не говорить об этом вслух, потому что он явно не хочет, чтобы я видела его таким. Поэтому я просто тихонечко жду рядом с ним, очень терпеливо. Проходит несколько минут, прежде чем он оказывается снова готов продолжать путь, хотя на этот раз шагает он гораздо медленнее. Кастор тоже старается идти не так быстро, в одном темпе с нами.

Один мальчик, который учится со мной в одном классе в школе, болеет чем-то под названием астма. Он всегда носит с собой ингалятор, и довольно часто, особенно во время обострений, он не может долго бегать или играть, потому что ему нужно восстановить дыхание. Наверное, у Дэра тоже эта болезнь, только мне кажется глупым то, что он не хочет признаться мне в этом. Ведь астма – это не то, чего надо стесняться.

Дэр указывает на каменное здание в небольшом отдалении от нас:

– Это усыпальница. Каждый из рода Саваж захоронен здесь. Ты тоже тут будешь, когда умрешь.

Какой гнетущий разговор.

– И ты тоже будешь?

Вопрос срывается с моих губ раньше, чем я успеваю его остановить.

Дэр издает смешок, но я слышу, что ему совсем не весело.

– Сомневаюсь. Да мне и не хотелось бы этого. Мой отец был французом, поэтому похоронят меня, скорее всего, во Франции. Они не могут оставить меня здесь.

В его голосе сейчас слышно ровно столько же презрения, сколько в голосе Элеаноры, когда она говорит о нем. «Дурная кровь», – так сказал бы мой отец. Вот только почему?

– Тебе не нравится здесь? – спрашиваю я в надежде на то, что он скажет мне что-нибудь, что прольет свет на все происходящее в этом доме.

Но Дэр молчит, его глаза замерли на одной точке на линии горизонта.

– Пожалуйста, скажи мне! – умоляюще продолжаю я. – Мне тоже здесь не нравится.

– Почему же? – Дэр смотрит на меня, и кажется, в его взгляде появляется нотка любопытства.

– Потому что я скучаю по папе. По своей комнате. Мы живем в одном доме с похоронным бюро, ты ведь помнишь об этом?

Дэр кивает.

– Об этой части, пожалуй, можно было бы не говорить, потому что дети в школе часто дразнят меня, но сейчас я правда скучаю по дому. По океану. Уитли слишком большой. Мне здесь страшно, потому что все такое мрачное, а люди – молчаливые. Такое ощущение, что все друг от друга что-то скрывают, а уж мне-то и подавно никогда не узнать всех тайн.

– Да, ты не знаешь и половины всего, – бормочет Дэр, и я смотрю на него с вызовом, но он отводит взгляд.

– Расскажи, каково это – жить в похоронном бюро? – произносит он, меняя тему.

Я улыбаюсь, потому что в отличие от моих одноклассников он явно спрашивает это не для того, чтобы поиздеваться надо мной. Ему просто любопытно.

– Нормально. Повсюду пахнет цветами. И этот запах въедается в твои волосы и одежду.

– А мертвецы правда выглядят так, будто они просто уснули?

Я усмехаюсь:

– Нет, они выглядят как обычные мертвецы.

Дэр кивает:

– Я понял.

Мы замолкаем, просто неторопливо шагая вперед; Кастор бредет рядом с нами и тяжело дышит. Маленькие камушки перекатываются под моими ногами, и мне снова хочется оказаться

дома, посреди орегонских скал. Но если подумать, то там не будет Дэра, а мне стало очень интересно с ним.

Ветер дует мне прямо в лицо, и я поднимаю руку, чтобы убрать растрепавшиеся пряди за ухо, как вдруг краем глаза я улавливаю какое-то движение.

Я поворачиваю голову, и мне кажется, что мои ночные кошмары стали явью.

Передо мной Кастор и Поллукс, оба сильно избиты, все в крови: они волокут по тропинке свои изуродованные тела со сломанными лапами. Кровь сочится даже из их глаз и носов, оставляя длинный след позади них. Красная жидкость пропитала подушечки их лап и ложится бордовыми кляксами на землю. Вокруг столько крови, что меня буквально тошнит от ее запаха, я могу ощутить ее вкус на своем языке.

Я истошно кричу и хочу броситься к ним, но у меня ничего не выходит: мои ноги словно приковали к земле. Я не могу пошевелиться, я словно окаменела, окаменела, окаменела. Сердце тяжело бьется внутри. Кровь, пульсируя, циркулирует по венам. И я обездвижена, обездвижена, обездвижена.

– Кастор! – со стоном выкрикиваю я.

Пес пытается поднять голову, хочет подойти ко мне, потому что он послушный мальчик и его много дрессировали, но его изломанные кости торчат из-под кожи и он больше не может идти и с грохотом падает на землю. Удар настолько мощный, что у меня земля уходит из-под ног.

Я кричу.

Из моего рта вырывается вопль.

Я закрываю руками лицо.

Дэр спокойно поворачивается ко мне, а его глаза сейчас напоминают безжизненные озера: он стоит прямо передо мной, но это не он.

– Что ты наделала? – говорит он, словно мертвец.

Я хочу сделать вдох, но ничего не получается.

Я не могу.

Я не могу.

Я крепко зажмуриваю глаза и камнем падаю на землю.

– Калла! Калла! Открой глаза! Тсс! Все в порядке, в порядке. Что случилось?

Голос полон отчаяния и тревоги, я концентрирую на нем свое внимание, пытаюсь снова почувствовать себя в своем теле, услышать его по-настоящему.

– Калла!

Я фокусируюсь на этих двух слогах, на звуке голоса, который их произносит.

Это Дэр, и на этот раз его речь полна жизни, совсем не так, как прежде.

Я открываю глаза и вижу его лицо в нескольких сантиметрах от моего, его темные глаза полны паники.

– Что случилось? – спрашивает он, обнимая меня за плечи. – С тобой все нормально?

Наверное, он пытался встряхнуть меня, чтобы я пришла в себя.

Я судорожно мотаю головой.

– Что с собаками? О боже! Что случилось?

Дэр удивленно вытягивает голову вперед, словно не понимает меня.

– О чем ты?

Я слышу, как скулит Кастор позади него, и подскакиваю от неожиданности, а затем усаживаюсь, чтобы лучше разглядеть.

Пес сидит в нескольких шагах от нас, собачья преданность в его глазах, а скулит он потому, что я сильно напугала его своим поведением, теперь же он отчаянно виляет хвостом в надежде, что я приду в себя. Его кости целы. Нигде не видно и следа крови.

Все в порядке.

Все в порядке.

Все в порядке.

У меня перехватывает дыхание. Это все было нереально. Или все же это случилось на самом деле?

– Мне показалось... с Кастором случилось... – Я не договариваю, и мой голос срывается, потому что в точности повторяется та же история, когда я подумала, что мой брат погиб.

Неужели и в этот раз все это – плод моего больного воображения?

Очевидно, что это было нереально.

– Мне нужно увидеть Финна, – наконец говорю я.

Потому что только Финн поможет мне все понять. Только ему я могу все это доверить.

– Ты сумасшедшая? – спрашивает меня Дэр, помогая подняться на ноги. – Мой отчим говорил, что да.

– Нет! – сиюминутно вырывается у меня, но я уже не уверена в собственной правоте, возможно, я действительно сумасшедшая. – И вообще-то это довольно грубо.

– Мой отчим – грубый человек, – отвечает Дэр, но так и не извиняется за сказанное передо мной.

Внезапно я замечаю за его плечом силуэт моей мамы, спешащей к нам: на ней только ночная рубашка, ее волосы взлохмачены и развеваются по ветру.

– Что случилось? Что с вами? – засыпает нас вопросами она, подбегая к нам и притягивая меня к себе. – Я слышала, как ты кричала.

Позади нее уже стоят Финн и Сабина. Они пристально смотрят на меня: им уже известно то, в чем мне отчаянно не хочется признаваться.

Я сумасшедшая.

– Ничего, – говорю я, – мне кое-что привиделось, чего не было на самом деле. – И теперь мне совершенно ясно, что мне это правда привиделось, потому что Поллукс рядом с Финном, очевидно, что с ним все в полном порядке.

Сабина смотрит на Дэра.

– Ты же знаешь, что тебе не положено находиться снаружи, – произносит она, – тебе прекрасно известно, какие последствия это может повлечь за собой.

Он серьезно кивает, и она переводит взгляд на меня.

– И тебя тоже не должно быть здесь, – обращается она ко мне, – тебе не стоит навлекать на себя беду, малышка. – Ее голос звучит сурово, и у меня возникает чувство, будто я уже попала в беду, даже не знаю почему.

Но если кто-то и должен на меня злиться, так это моя мать. Мама не произносит ни слова, просто не выпускает меня из своих объятий.

– Это все я виноват, – быстро вмешивается Дэр, прежде чем я успею придумать, что бы ответить Сабине, – она услышала, как я гуляю, и решила последовать за мной. Это все я.

– Никто ни в чем не виноват, – начинаю было я, но Сабина уже энергично кивает.

– Ты не должен вводить ее в заблуждение, мальчик, – говорит она. – Ричард будет зол, прослышав об этом. Если он уже не знает обо всем.

Лицо Дэра бледнеет, и он замолкает, но ничто не остановило его в попытке помочь мне. Он решил постоять за меня. Я пытаюсь взять его за руку, но он отталкивает меня, не поднимая глаз.

– Пойдем внутрь, – зовет меня Финн, удерживая меня за локоть своей рукой.

Мама почти силком затаскивает нас в дом и разводит по комнатам, поэтому весь остаток дня мы с Дэром больше не встречаемся.

Дело близится к полудню, когда ко мне в комнату входит Сабина и ставит поднос на столик около моей кровати.

– Меня прислала твоя мама, – сообщает она, протягивая мне чашку, от которой вверх поднимается легкий пар, – выпей это и расскажи, что ты видела сегодня утром.

Оказывается, она принесла мне чай, и я делаю глоток: на вкус он очень горький и неприятный, от чего мне сразу хочется его выплюнуть. Я пытаюсь отдать ей кружку обратно, но она мотает головой.

– Пей! – настаивает она.

Я выпиваю приготовленный чай, но так и не отвечаю на ее вопрос. Я не говорю о том, что видела искалеченных и окровавленных собак. Потому что как вообще я могла вообразить что-то подобное? Должно быть, я чудовище. Только монстр может думать о таком.

Но она все ждет, а я молчу, и в конце концов Сабина глубоко вздыхает.

– Я все о тебе знаю, – говорит она, ее рука лежит на моем колене, а длинные ногти врезаются в кожу, – тебе не нужно это скрывать. Просто доверься мне.

Мне хочется сказать ей, что нельзя просто так взять и попросить кого-то довериться тебе, что доверие нужно заслужить. Папа постоянно говорит мне об этом, и теперь я понимаю, как он прав. Мой папа очень умный. Но я держу рот на замке, она не должна узнать об этом.

– И что же вы обо мне знаете? – спрашиваю я вместо этого.

– Ты отлично понимаешь, о чем я, – отвечает она, – мне известно то, что не известно никому. Я все о тебе знаю, дитя.

И все же я встряхиваю головой, потому что этого просто не может быть. Я ведь никому не рассказывала о том, что я там увидела. И уж точно я бы не стала рассказывать об этом ей.

Со звуком, похожим на кудахтанье, она встряхивает головой.

– Я не смогу помочь тебе, если ты не будешь со мной честна, – говорит она, забирая поднос и направляясь к двери, но на полпути она останавливается и поворачивается ко мне. – Держись подальше от Дэра, – добавляет она, – однажды он приведет тебя к твоему концу.

– К моему концу? – не могу сдержать вопрос я.

Она улыбается, хотя это больше похоже на оскал, и кивает.

– К твоему концу. Один в один в один, Калла.

– Что все это значит? – в недоумении спрашиваю я, но она уже уходит, а дверь за ней закрывается с протяжным скрипом.

Кастор лежит у меня в ногах, и я так рада, что он жив и здоров, что я могу обнимать его за шею, наполняя легкие запахом собачьей шерсти, чувствуя его прикосновение своей щекой.

– Кастор, я люблю тебя.

В ответ он тяжело дышит, лежа рядом со мной. Я замечаю, что комната вокруг меня начинает вращаться, а мой взгляд становится туманным. Я не знаю, что происходит, но я не могу удержать глаза открытыми, мои веки слишком тяжелые.

Тяжелые.

Тяжелые.

По моим рукам растекается тепло, распространяясь в каждую ладонь, в каждый палец, в то время как ноги словно погружены в ванну со льдом, и все вокруг вращается, вращается, пока не наступает полная, абсолютная тьма. Закрывая глаза, я что-то улавливаю боковым зрением в той части моей комнаты, где падает густая тень.

Мальчишка в капюшоне, мальчишка с черными-черными глазами. Он наблюдает за мной, застыв в ожидании, а его черты лица кажутся такими до боли знакомыми.

Но это происходит не на самом деле. Он не может быть здесь на самом деле. Это то же самое, что те кровавые псы, которых я видела чуть раньше.

Мне хочется проснуться, чтобы проверить, но веки слишком, слишком, слишком тяжелые.

Слишком.

Тяжелые.

Все вокруг теряет последние крупинки здравого смысла, я больше не могу доверять никому, даже самой себе.

Я схожу с ума.

Погружаясь в сон, в забытьё, я продолжаю думать о Дэре. Мальчишке, который, несмотря на то что это может повлечь за собой неприятности, попытался постоять за меня в беде. *«Это все я виноват»*, – сказал он.

Но я знаю, что он был ни в чем не виноват.

Он попытался защитить меня, хоть это и была ложь.

Никто, кроме него, не был способен на это.

Глава 6

Поместье Уитли

– Я люблю его.

Мой шепот кажется таким тихим в огромной комнате, но моему брату удается его слышать. Потому что Финн проскочил ко мне: так же, как он поступает каждую ночь. Дом Уитли слишком велик, чтобы все могли оставаться в своих собственных комнатах в одиночку. Повсюду слишком много теней, слишком много разных старинных предметов, которые вызывают необъяснимый страх. Наши псы лежат у нас в ногах на моей кровати, словно безмолвные стражи, охраняющие наш сон. Мне нравится думать, что они наши часовые, от этого мне становится уютнее.

Финн высовывает голову из-под нескольких слоев одеял, его светло-русые кудряшки растрепались.

– Ты дуручка, – заявляет он, – ты не можешь любить Дэра. Ведь он наш двоюродный брат. И я слышал, как мама говорила с дядюшкой Ричардом. Он сказал ей, что Дэр – тяжелый случай, Калла.

Пелена ярости застилает мои глаза, багровая и жгучая, ударяющая мне в лицо чернильной волной.

– Не смей так говорить! Это неправда. Он вовсе не тяжелый. А вот дядя Ричард – чудовище, – с жаром спорю я с ним, – и ты это прекрасно знаешь. И, кстати, Дэр всего лишь наш сводный кузен. На самом деле мы с ним не родственники.

– Почти родственники, – отвечает Финн, – ты не можешь его любить. Это было бы неправильно.

– А почему я должна делать так, как будет правильно, – фыркаю я, – и кто решает, что будет правильно, а что – нет?

Финн закатывает глаза и снова ныряет с головой под одеяло.

– Мама всегда знает, что будет правильно. Да и к тому же у тебя есть я. Я – все, что тебе нужно, Калла.

Я не могу с этим поспорить.

Поэтому я замолкаю. Вскоре до меня доносится мерное дыхание Финна, дающее понять, что он уснул.

Я неподвижно лежу, наблюдая, как скользят тени по потолку. Меня ничто не пугает, когда Финн рядом со мной. Возможно, довольно глупо. На днях я слышала, как Джонс делился с Сабиной тем, что мой брат всю дорогу в машине провел в обнимку с бумажным пакетом, но я знаю: это лишь потому, что у него еще не запустился процесс взросления. И несмотря ни на что, я уверена на сто процентов, что он умер бы, защищая меня. Как ни парадоксально, это одновременно заставляет меня почувствовать себя увереннее и в то же время пугает.

Я закрываю глаза.

И когда я делаю это, все, что я вижу, это лицо Дэра.

Темные волосы, темные глаза, настырный взгляд.

Я люблю его.

И он мой.

Или он будет моим чуть позже. Мое сердце подсказывает мне, что так и будет. Я уверена в этом так же четко, как в том, что мое имя – Калла Элизабет Прайс.

Засыпая, я слышу шелест травы... звук ветра, тьмы, тишины, а затем чей-то рев. Кажется, что этот рычащий звук родился здесь, в Уитли, но никто, кроме меня, этого не замечает. Сначала я думала, что это Кастор, но я ошибалась. Он бы ни за что не стал на меня рычать.

Когда солнечные лучи прогоняют остатки моего сна, я накидываю на себя какую-то одежду и крадусь вниз, на кухню, надеясь хоть одним глазком увидеть его до завтрака.

– Дэр здесь? – спрашиваю я, выскакивая вместе с Кастором из-за угла.

Сабина смотрит на меня из-под своего платка и протягивает мне круассан.

– Тише, дитя. Мне кажется, я видела, как он улизнул на улицу.

Она старается говорить как можно тише, так, чтобы никто, кроме меня, не смог услышать ее. Я благодарю ее, оборачиваясь через плечо, и направляюсь к полю, потому что именно там Дэру нравится находиться больше всего. Он ненавидит этот дом, как и большую часть людей, живущих в нем.

Но он не ненавидит меня.

Несмотря на то что мне всего восемь, а ему уже одиннадцать. Я это знаю, потому что он сам мне это сказал.

Я поднимаюсь вверх по дорожке и прохожу сквозь ворота тайного сада, а мой пес следует за мной. Я наблюдаю за Дэром из-за густо растущих цветов, прячась за громадной статуей ангела: он сидит на берегу пруда, в его темных глазах задумчивость, и он бросает камушки по гладкой, словно стекло, поверхности воды.

– Тебе не положено здесь находиться, – начинаю я разговор, поравнявшись с ним.

Он даже не поднимает на меня глаз.

– Так пойдешь и расскажи Элеаноре.

Он произносит имя моей бабушки очень драматично, но я уже привыкла к этому.

Мама сказала, что это жизненная участь сделала его таким угрюмым и что мне нужно быть терпимее к нему.

И я более чем терпима.

Я живу и дышу каждым сказанным им словом.

Я сажусь рядом, и, хотя я очень стараюсь, ни один из моих камушков не прыгает по воде. Они просто тяжело булькают и уходят под воду.

Не сказав ни слова, он тянется ко мне и направляет мою руку таким образом, что запястье расслабляется, когда я бросаю камень. Он подпрыгивает один, два, три раза, прежде чем уйти под воду.

Я улыбаюсь.

– Что значит «жизненная участь»? – с любопытством спрашиваю я.

Его глаза сужаются.

– А почему ты спрашиваешь?

– Потому что мама сказала, что ты такой угрюмый из-за своей жизненной участи. Но я не понимаю, что она имела в виду.

Лицо Дэра бледнеет на глазах, и он отводит взгляд в сторону: кажется, я не на шутку его разозлила.

– Это не твое дело, – резко отвечает он, – лучше бы ты училась тому, как быть хорошей представительницей семейства Саваж. А любой приличный Саваж не станет совать нос в чужие дела.

Я сглатываю, потому что я уже миллион раз слышала эту фразу от бабушки Элеаноры.

– Но все же, что это значит? – снова спрашиваю я, пытаюсь справиться со своим желанием задать этот вопрос в течение нескольких минут, но все-таки сдавшись.

Дэр тяжело вздыхает и поднимается на ноги. Около минуты он смотрит вдаль, прежде чем дать мне ответ.

– Это значит твое место в мире, – произносит он, и каждое его слово тяжело чеканится от зубов, – например, мое место в мире довольно никчемно.

– Так измени это, – вот так вот просто советую ему я, потому что мне это действительно кажется очень простым.

Дэр фыркает.

– Ты ничего не понимаешь, – мудро заявляет он, – ты всего лишь ребенок.

– Как и ты.

– Я старше.

С этим я не могу поспорить.

– Можно взять тебя за руку? – спрашиваю я, когда мы покидаем сад. – Я забыла свои туфли и боюсь упасть на камни.

Это ложь. Я просто хочу, чтобы он взял меня за руку.

Он сомневается и, кажется, отстраняется от меня, но затем бросает беглый взгляд на дом и неохотно позволяет мне вцепиться в свои пальцы.

– Тебе нужно учиться быть более ответственной, Калла, – дает он мне совет, искоса глядя на мои босые ноги.

Но все же разрешает мне держать его за руку, пока мы медленно бредем обратно к дому. Но когда мы оказываемся около дверей, он стряхивает мои пальцы.

– Увидимся за ужином.

Я наблюдаю за тем, как дом поглощает его, а затем захожу сама.

Шагая по коридору, я никак не могу побороть желание оглянуться через плечо, потому что даже яркие солнечные лучи не могут избавить поместье Уитли от теней, которые здесь повсюду. Мне все время кажется, что нечто следит за мной, словно нависшая в воздухе угроза.

Постоянно.

Я натыкаюсь на Финна в библиотеке и сразу же рассказываю ему о своих переживаниях.

Он раздраженно встряхивает головой, но по его лицу видно, что мои слова его беспокоили. Как обычно.

– Ты принимала свои таблетки сегодня, Калла?

– Да, – отвечаю я, потому что, если я этого не делаю, мне являются чудовища.

Я вижу красноглазых демонов и черноглазых рептилий.

Я вижу огонь.

Я вижу кровь.

Я вижу ночную жуть.

Кошмары.

Страшное.

Финн смотрит на меня с сомнением.

– Ты уверена?

Я замолкаю.

Затем я нехотя лезу в карман и достаю оттуда две разноцветные таблетки.

Он смотрит на меня в упор.

– Выпей их. Прямо сейчас. Иначе я все расскажу маме.

Когда он замечает, что я не слишком тороплюсь их принять, он добавляет:

– Или бабушке.

Этот аргумент имеет большой вес, и он прекрасно знает об этом. Я в спешке ищу воду, чтобы запить таблетки, и глотаю их, пока он смотрит на меня.

– Тебе виднее, Калла, – упрекает он, и его голос звучит скорее по-родительски, чем по-братски.

Я киваю. Потому что я и правда лучше знаю.

– Они отвратительные, – пытаюсь найти я хоть какое-то объяснение.

– Это не оправдание.

– О чем это вы?

Наша мама врывается в библиотеку, словно порыв ветра, прекрасная, стройная, с ярко-рыжими волосами, сияющая. Я буду счастливицей, если однажды стану похожей на нее.

– Ни о чем, – поспешно отвечаю я.

Мама начинает что-то подозревать, но она слишком торопится, чтобы устраивать допрос.

– Вы не видели Адэра? – спрашивает она нас обоих. – Ваш дядя обыскался его.

Мы отрицательно качаем головой, но из нас двоих больше всего любит говорить правду

Финн. Я же скорее умру, чем сдам Дэра этому монстру.

– А для чего дядя Дики искал Дэра? – спрашиваю я, когда она уже поворачивается к двери, собираясь уходить.

Она останавливается на пороге, ее лицо осунувшееся, напряженное.

– Это взрослые дела, цветок каллы. Тебе не стоит беспокоиться об этом.

Но, конечно же, это заставляет меня переживать.

Потому что каждый раз, когда дядя Ричард находит Дэра, по дому разносятся крики.

И даже если вы подумали, что это самое страшное, это не так.

Самое худшее – это когда крики прекращаются.

Потому что в тишине скрывается многообразие грехов.

Так говорит мама.

А она всегда права.

По крайней мере, в этом уверен мой отец.

За ужином я завожу разговор о папе.

– Я скучаю по нему, – говорю я маме, – почему он никогда не приезжает сюда с нами летом?

Она со вздохом поглаживает меня по руке, прежде чем взять вилку для креветок.

– Он приедет сюда, Калла. И ты это знаешь. Он будет здесь последние две недели нашего визита. Как и каждый год.

– Но зачем нам приезжать сюда каждый год? – спрашиваю я, чувствуя себя очень глупо, но я считаю, это хороший вопрос.

Каждое лето, год за годом. Папу держит дома в Орегоне его работа, нам же приходится приезжать сюда, потому что мамина семья очень богата и влиятельна.

– Потому что Уитли – это тоже наш дом, такова наша обязанность, – устало отвечает мама, – и потому что репутация дома Саваж открывает перед нами множество новых возможностей. Лучшие врачи, все самое лучшее. Но чтобы получить доступ к этим привилегиям, мы должны на лето приезжать сюда. Ты и сама прекрасно это знаешь, Калла. Мне приходится идти на жертвы ради тебя. И ты должна это ценить.

Я ценю.

Я действительно это ценю. Не понимаю, зачем это нужно, но ценю.

Что я совсем не хочу ей рассказывать – так это то, что порой реальность в моей голове смешивается со странными видениями. Это все образует вихрь в моей голове, меняется местами, искривляется, образует неведомые мне фигуры. Реальность объединяется со снами, а сны перемешиваются с воспоминаниями, и получается, что реальность вовсе не реальна.

Я всегда чувствую себя так глупо, когда сомневаюсь в реальности того или иного события, поэтому могу спросить об этом только Финна.

Все решат, что я сумасшедшая.

А ведь это не так.

Дэр легонько пинает меня ногой под столом, и я отвечаю ему быстрым взглядом.

Он широко улыбается мне такой знакомой хитрой улыбкой, которую я так люблю. Потому что мне всегда казалось, что он как бы бросает мне вызов, когда она появляется на его лице.

Бросает мне вызов... но в чем?

Он нагибается ко мне.

– Я собираюсь сегодня в сад, когда стемнеет. Хочешь со мной?

Я в замешательстве.

Снаружи темно. И там. Там ночь. И все они воют и рычат хором.

Дэр замечает мои сомнения.

– Ты что, боишься? – спрашивает он насмешливо.

Нет, конечно же, нет. Я отрицательно мотаю головой. Уличить кого-то в том, что он боится, – это худшее из возможных оскорблений, на мой взгляд.

Его лицо снова расплывается в улыбке.

– Так ускользни из дома и будь на месте в полночь. Ты же знаешь, что Финн будет слишком занят своими учебниками по латыни. А я уверен, ты не захочешь разделить вместе с ним это времяпрепровождение.

Нет, конечно же, у меня нет никакого желания учиться. Меня латынь раздражает, в то время как Финн показал отличные способности к ее изучению. Он проводит буквально все свободное время, штудируя учебник по этому мертвому языку.

– Ты же знаешь, что хочешь прийти, – добавляет Дэр.

– Хорошо, – соглашаюсь я, стараясь говорить как можно более сдержанно, потому что мурашки бегают вверх и вниз вдоль моей спины в предвкушении: интересно, чем он планирует заняться там в такое позднее время?

В нем столько... бунтарства, что сложно и представить.

Верная своему обещанию, я прокрадываюсь из своей комнаты в коридор и ускользаю из дома ровно в полночь. Я бегу по дороге так быстро, насколько только хватает моих сил, потому что мне кажется, что нечто пытается догнать меня.

Что-то темное.

Что-то пугающее.

Не замедляя шага, я оборачиваюсь назад.

Но там, как и следовало ожидать, ничего нет.

Я врываюсь в ворота садика, где Дэр ждет меня.

Он улыбается мне, и его зубы сияют, словно жемчужины в ночной тьме.

– Привет, – беззаботно приветствует он меня, словно сейчас совсем не полночь, а мы не являемся нарушителями порядка поместья Уитли.

– Но ведь тебе не положено покидать дом, – напоминаю я.

Он только пожимает плечами, потому что он – Дэр, он привык нарушать правила.

– И что?

Эта фраза звучит как вызов, и я не принимаю его. Как минимум потому, что не могу придумать достойный ответ.

Я до сих пор не могу понять, почему ему запрещено выходить из дома. Мне это все время казалось какой-то бессмыслицей. Это несправедливо. Но если подумать, когда дядя Ричард был справедлив по отношению к Дэру?

– Мы с тобой похожи, Калла, – говорит мне Дэр. Вокруг нас сгущается тихая ночь, в которой его голос звучит так нежно. – Здесь я словно в тюрьме, и ты тоже в тюрьме – в плену своего разума.

– Нет, это не так, – начинаю спорить я, – я принимаю лекарства. Со мной все в порядке.

Дэр встряхивает головой и отводит взгляд.

– Но ведь ты знаешь, каково это.

Я знаю. Мне приходится согласиться с этим.

– Никто на свете не знает, каково это – быть мной, – шепотом произношу я, – даже Финн. Быть мной – одиноко.

– Я знаю, каково это, – наконец отвечает Дэр, – тебе не нужно объяснять мне, что это такое. В этом ты не одна.

Мы сидим, разглядывая далекие звезды, а наши плечи сталкиваются, впитывая тепло друг друга, и я думаю, что, возможно, он прав.

Мы с Дэрмом действительно похожи. Когда я с ним, мне не так одиноко.

– Почему ты в плену? – спрашиваю я спустя несколько минут, затрагивая запретную тему: с одной стороны, мне не терпится узнать ответ, но с другой – я боюсь, что он разозлится на меня.

Но он не показывает ни капли раздражения.

Его плечи ссутулены, а глаза закрыты. Он сидит так, подняв лицо к небу, к луне.

– Тебе не стоит беспокоиться об этом, – произносит он устало, – никто не хочет, чтобы ты знала об этом.

– Но почему?

– Потому что.

– «Потому что» – это не ответ.

– Во всяком случае, пока, – говорит мне Дэр, – однажды ты, возможно, все узнаешь. Сейчас имеет значение лишь то, что ты видишь перед собой. Мы дышим воздухом, на небе сияют звезды, а на ужин у нас был шоколадный торт.

Он прав. Ужин был хорош.

А следом за ним наступила хорошая ночь.

Мы одни в саду вместе с Дэрмом.

Мы нарушители правил.

И это прекрасно.

* * *

Вода сжимается вокруг моего тела, словно огромная пасть, поглощает меня, я тону. Я судорожно ворочаюсь и изгибаюсь, пытаюсь сломить свою жидкую темницу, опутывающую мои руки и ноги. Я не могу пошевелиться, не могу дышать, а черные глаза уставились на меня отовсюду: со дна, с поверхности.

Я вижу их, вглядываюсь в них, боюсь их, пока они не становятся размытыми и не исчезают полностью.

Глубже.

Глубже.

Я ухожу все глубже и глубже.

Все дальше от него.

От моего спасителя.

От моего Антихриста.

– Это все твоя вина, – шепчу я, но вода поглощает мои слова, они застревают в моем горле.

Говорю ли я это ему или самой себе? Это больше не имеет никакого значения. Мои легкие все больше, и больше, и больше наполняются водой, мне нечем дышать. Есть только черная дыра на том месте, где когда-то теплилось и билось мое сердце.

– Это все нереально, Калла, – слышу я голос Финна, но я знаю, что его самого здесь нет. Здесь никого нет, я одна в этой подводной тюрьме, вокруг меня только мутная темная жидкость. Мои пальцы пытаются зацепиться за что-то, за пустоту, за все, что попадает под руку.

Сконцентрироваться.

Я прищуриваюсь и дышу, делаю глубокий вдох, как меня и учили. Мое тело наполняется воздухом, словно сосуд: сначала кислород проникает в живот, потом достигает уровня диафрагмы, проходит сквозь горло и достигает предела во рту. Я медленно выдыхаю, словно выдувая воздух через трубочку, выталкивая его прочь, стремясь поскорее избавиться от него, пока внутри не остается совсем ничего, только я и мои засохшие пустые легкие.

Я делаю это снова.

И снова.

И когда все заканчивается, я снова могу видеть. Я в больнице, и я больше не та маленькая девочка. Я Калла Прайс, Финна больше нет, и Дэра тоже – я осталась в полном одиночестве.

Я закрываю глаза, потому что это совсем не та реальность, в которой я хотела бы находиться.

Тьма накатывает на меня волнами, движется в разные стороны, и я понимаю, что я больше не в больнице, я никогда там не была. Я в коробке, в гробу. Я одна, и кусок шелковой ткани повязан вокруг моего пояса, а в руках у меня каллы. Белые. Они пахнут так, словно давно завяли. Впрочем, так и есть. Умирающие цветы пахнут слаще всего.

Я выпускаю их из рук и пытаюсь надавить на крышку, обитую плиссированным шелком, толкаю ее изо всех сил. Но она не поддается. Я ударяю по ней снова, и снова, и снова, но ничто не помогает. Я в заточении. Я застряла здесь навеки, я застряла, застряла.

Я похоронена заживо, мне одиноко, я замерзаю, я мертва.

Картинки вспыхивают вокруг меня, перед моими глазами, в моей голове, в самых глубинах подсознания.

Звук тормозов посреди отчаянно бегущих с небес капель дождя, крик, скрежет металла.

Вода.

Ухожу все глубже.

Я.

Финн.

Дэр.

Все.

Неужели мы все мертвы?

В ужасе я распахиваю глаза: я снова в больнице.

Белые стены, мои руки в тепле, и я все еще одна.

Должно быть, я...

Сумасшедшая.

Сумасшедшая.

Сумасшедшая.

Глава 7

Дэр внимательно наблюдает за мной с другого конца библиотеки, и мне приходится сделать усилие над собой, чтобы перестать подергивать ногой.

Уголки его губ чуть-чуть приподнимаются. Ему уже тринадцать, а мне десять, и он уверен, что гораздо старше меня.

– Калла, ты вообще меня слушаешь?

Мама переводит фокус моего внимания с Дэра на себя, и я изо всех сил пытаюсь сконцентрироваться на ее словах. О чем она говорила? Она вздыхает, потому что прекрасно понимает, что я понятия не имею. Но чего она не знает, так это того, что я все еще чувствую взгляд Дэра на себе, я чувствую его своей кожей, и он согревает меня, он бережет меня от...

– Калла, ты должна больше прислушиваться к Сабине. Она здесь ради твоего же блага. Она знает, что будет лучше для тебя. Она рассказала мне, что ты прячешь свои таблетки, что ты не хочешь их принимать.

Я пытаюсь заглушить малейшее воспоминание о том, как эти таблетки тяжело проникают в глубь горла, их восковую оболочку, которая постоянно приклеивается к моему языку, мешая быстро их проглотить.

– Они отвратительные, – говорю я в свое оправдание.

Жалость немного смягчает мамино лицо, но она продолжает стоять на своем.

– Калла, знаешь ли ты, что если бы ты родилась пусть даже сто лет назад, ты была бы обычной городской сумасшедшей? Ты просто бегала бы по улицам, выплескивая свое безумие направо и налево, и никто на свете был бы не в силах тебе помочь. Но так как теперь у нас есть современная медицина, у тебя есть возможность прожить достойную и полноценную жизнь. Постарайся не загубить ее, моя дорогая.

Тон ее голоса очень кроток, что смягчает все острые углы ее речи, в которой я отчетливо слышу пагубное влияние бабушки Элеаноры. Мама наклоняется, чтобы обнять меня, и я чувствую запах ее духов и кашемира. Мне хочется намертво вцепиться в нее, остаться навечно в ее худых руках, но я понимаю, что это невозможно. У нее много дел. Она всегда занята, когда мы приезжаем в Уитли.

Она отстраняется и расправляет плечи, переводя взгляд на моего брата.

– Финн, я хочу, чтобы сегодня ты поехал со мной в город. Отец Томас хочет попросить тебя быть прислужником в его соборе.

Я с интересом наблюдаю за реакцией Финна, потому что, если честно, мы оба ненавидим мессы.

Абсолютно и безоговорочно.

Ненавидим.

Они всегда такие мрачные, тяжелые, одинаковые от раза к разу и очень скучные.

Я знаю, что Финн хотел бы быть прислужником так же сильно, как я горю желанием принимать ежедневно свои таблетки, но он послушно уходит вместе с мамой, а мы с Дэром остаемся одни. Он демонстративно старается не пересекаться со мной взглядом, от чего мне становится физически холодно.

– Что собираешься делать сегодня? – спрашиваю я у него, дрожа всем телом, в то время как мои пальцы перебирают вышитый восточный орнамент на коврике передо мной.

Дэр смотрит в сторону.

– Ничего.

Он удобно раскинулся на сиденье рядом с окном, прижавшись головой к стеклу. Пустым взглядом он уставился на владения снаружи, которые ему запрещено посещать.

Я отказываюсь принимать этот ответ. Мне скучно, как и Дэру. И если мы не выберемся из этого скучного дома сейчас же, я умру.

– Хочешь, пойдём в сад? – спрашиваю я с надеждой. – Сабина подследила новых карпов в один из прудов. Мы могли бы их покормить.

– Ты знаешь, что мне не положено выходить, – говорит мне грубо Дэр, даже не поднимая на меня глаз.

– С каких это пор тебя это заботит? – смущенно спрашиваю я и замечаю, что обе его руки сжаты в кулаки.

Что происходит? Мы приехали сюда на лето около двух недель назад, но Дэр стал совершенно другим человеком, замкнутым, тихим. И мне это не нравится.

– С сегодняшнего дня, – бросает он, и мне становится больно слышать его интонации.

Он стал таким резким, таким... грубым.

– Что с тобой? – шепчу я, и мне страшно услышать ответ на свой вопрос, потому что выглядит он сейчас так, будто зол именно на меня, будто я больше не нравлюсь ему.

Его кулаки дрожат, прижатые к его коленям, а лицо стало белым, как полотно. Моего взгляда он все так же упорно избегает.

Наконец Дэр вздыхает и поворачивается ко мне лицом, его взгляд встречается с моим.

– Слушай, Калла, – говорит он устало, – ты всего лишь ребенок, и тебе этого не понять. Я не такой же, как ты. Если мы будем общаться, мне придется заплатить за это. Больше нет никакого смысла делать только то, что я хочу. Проще делать все как говорят. Мои желания больше не имеют никакого значения. Все стало бессмысленным.

Выражение полного смирения на лице Дэра пугает меня не на шутку, потому что это не он: он никогда таким не был. Он всегда был бунтарем, всю свою жизнь. Своим поведением он всегда давал мне надежду, заставлял меня поверить в то, что мои желания важны, что мое мнение важно, что все возможно.

А сейчас?

Он выглядит таким печальным, таким одиноким, потерявшим надежду.

– Не говори так, – прошу я его, – конечно же, твои желания очень важны. Ты можешь делать все, что только захочешь. И ты не обязан никого слушать.

– Разве? – Его голос становится мягче. – Разве кто-то просил меня быть прислужником, как Финна? Нет. Потому что я здесь никто, потому что моя фамилия – Дюбрэй, а не Саваж. Все, что важно, – это мое предназначение, и это предназначение вовсе не приятно мне. Я тяжелый случай, Калла, и они все это знают.

В этом он прав.

Я слышала, как они шептались. Не далее чем прошлой ночью. Я слышала, как переговаривались между собой бабушка Элеанора и мама.

– *Может, нам позвать другого преподавателя?*

– *Я не вижу смысла в этом.*

– *Ричард прав. Это все напрасно.*

Мне хотелось выпрыгнуть из своей постели и поспорить с ними, потому что они были несправедливы.

Да, Дэру наплевать на правила. Но почему он обязан вести себя как-то иначе? Ричард очень жесток с ним, хотя на то нет никаких веских причин. Его правила чересчур строгие и невыполнимые, любой другой ребенок взбунтовался бы. Это не делает его пропащим.

Невозможно описать словами, насколько это нечестно.

А теперь еще не хватало, чтобы Дэр потерял веру в мир.

Это уже слишком.

– Вставай! – командую я, подходя ближе к нему и хватая его за руку.

Я тяну его до тех пор, пока он не поднимается на ноги, а затем я тащу его к двери.

– Поехали в город?

Это противоречит всем существующим правилам, и мы оба это отлично знаем. Если нас поймают, то мы попадем в большую беду, оба. Дэру не положено выходить из дома, мне же запрещено покидать территорию поместья.

Дэр начинает на автомате отрицательно мотать головой, но я еще крепче вцепляюсь в его руку.

– Ты что, боишься их?

Он молчит, и меня пронзает луч счастья, когда я замечаю знакомые искорки в его глазах. Вот оно!

Этот его взгляд: «Дерзни, брось мне вызов».

Мое сердце начинает бешено колотиться, потому что передо мной настоящий Дэр, и он вернулся, пусть даже всего на минуточку. Он ничего не боится: он просто не знает, что такое страх.

– Хорошо, – соглашается он, – но только поедем не на великах, а на скутерах. Не хочу, чтобы ты перенапрягалась.

Меня это раздражает, потому что все постоянно повторяют мне нечто подобное... будто я инвалид, а не помешанная. Но когда Дэр говорит это, я предпочитаю не спорить.

– Хорошо, – только и отвечаю я.

Мы проскальзываем сквозь черный ход и спускаемся по тропинке к гаражам, где ждут нас скутеры.

Когда мы едем в город, а ветер ударяет нам прямо в лицо, я решаюсь спросить:

– Почему ты разговариваешь не так, как они? Только иногда произносишь что-то с английским акцентом. Это странно.

Дэр насмешливо смотрит на меня.

– Мой отец был французом. Не хочу разговаривать, как Ричард.

– Но ведь теперь ты англичанин, – привожу я свои аргументы, – и иногда это слышно по твоему произношению.

– Это самое грубое, что ты мне когда-либо говорила.

Я вообще не могу вспомнить, когда я говорила ему хоть что-то грубое, но решаю не спорить с ним на этот раз. Вместо этого я сосредотачиваюсь на дороге, стараясь не наехать на выбоину, для чего приходится резко тормозить и разворачиваться. Мы словно ниндзя, ускользающие и возвращающиеся в родные земли так, что наша семья даже не знает об этом.

Иначе нам придется расплатиться за час свободы. В особенности Дэру.

– Почему дядя Ричард так жесток с тобой? – спрашиваю у него я, когда мы паркуем наши скутеры возле тротуара в ближайшей деревушке.

Он пожимает плечами.

– Думаю, у него для этого много причин, – отвечает он, показывая на ларек с мороженым. – Хочешь?

Всегда. И ему это прекрасно известно.

Он покупает мне стаканчик шоколадного, себе же берет ванильное, и мы садимся вместе в тени аллеи, поедая наше лакомство. Мое уже начинает таять, и я наблюдаю за тем, как снаружи стаканчика появляются маленькие капельки.

– Твой дядя не любит меня, потому что я заставляю его раздумывать о вещах, о которых он предпочел бы забыть, – наконец признается Дэр.

– О каких вещах?

Дэр встряхивает головой.

– Это взрослые дела, Калла. Тебе не стоит об этом беспокоиться.

Но у меня не получается. Я беспокоюсь об этом. Я не могу перестать переживать за него. Я так устала от того, что от меня все скрывается за семью печатями, устала, что со мной постоянно все ведут себя как с маленькой.

– Кто кричит по ночам? – спрашиваю я настойчиво, и Дэр отворачивается, что дает мне понять, что он знает ответ.

Но он снова мотает головой.

– Не знаю, что ты имеешь в виду.

– Все в порядке, – шепчу я, потому что отлично знаю, что он лжет, – можешь рассказать мне. Я тебя не выдам.

На секунду, на одну крошечную секунду мне кажется, что он вот-вот мне признается. На его лице застыло выражение задумчивости, глубокого размышления, и я думаю, что он откроется мне, но... этого не происходит. Он просто кладет еще ложечку мороженого себе в рот и отодвигается подальше.

– Да нечего тут рассказывать, – говорит он безучастно, и я понимаю, что разговор закрыт. Он мне не доверяет. По крайней мере, пока.

– Ясно.

Я ем свое мороженое, и когда оно заканчивается, я поворачиваюсь к Дэру.

– Не хочу возвращаться, – заявляю я.

– Нам придется вернуться, – отвечает он, забирая у меня из рук стаканчик и выбрасывая его в мусорку.

– Потому что мы оба пленники? – спрашиваю я, воскрешая в памяти его слова, сказанные пару лет назад.

Он смотрит на меня пронзительно и долго, его взгляд становится более твердым по мере того, как он пытается скрыть от меня свою боль.

– Да.

– Но ведь ты можешь сбежать, ты же знаешь, – настойчиво предлагаю я ему, – сбежать и не возвращаться. Если ты так ненавидишь это место.

Дэр смотрит вдаль, и сейчас его глаза выглядят особенно темными.

– И куда же я отправлюсь? Нет ни единого места на земле, где семейство Саваж не смогло бы меня найти.

Он выглядит так безрадостно, когда поднимается на ноги и протягивает мне руку, помогая встать. На обратном пути мы всю дорогу молчим.

Когда мы проезжаем через ворота Уитли, Ричард уже поджидает нас.

Его машина припаркована на полпути к дому, и он оперся на нее в ожидании, словно длинная змея, закручивающаяся в кольца... змея, приготовившаяся к атаке. Мое сердце тяжело бьется, встав комом у меня в горле, и я замираю на месте.

– Быстро в дом, Калла, – говорит мне дядя, его колючий взгляд направлен на Дэра, и, могу поклясться, в его глазах появляется какой-то странный блеск, от которого у меня внутри все леденеет.

– Но... это была моя идея, – торопливо оправдываюсь я. – Дэр просто не хотел, чтобы я ехала одна.

Ричард поворачивается ко мне, его лицо похоже на ледяную глыбу. Дэр слегка подталкивает меня.

– Просто уходи, Калла, – тихо говорит он мне.

Ричард удовлетворен, потому что он привык к тому, что Дэр просто игрушка в его руках. Он с силой заталкивает приемного сына в машину.

– Ты знаешь, что тебе запрещено покидать дом, мальчик, – взрывается он, а его веко вздрагивает.

Он с грохотом захлопывает за собой дверь, гораздо сильнее, чем необходимо.

Я наблюдаю за тем, как автомобиль движется по дороге, как Ричард затаскивает Дэра в дом, и я не могу удержаться от того, чтобы не проследовать за ними. Мне нужно подслушать их разговор: я больше чем уверена, что там будет что услышать. Я проскальзываю в дом через задний вход, затем попадаю на кухню и падаю прямо в руки Сабины.

Она выслушивает мой плач, и когда я заканчиваю, она просто и спокойно смотрит на меня.

– Было бы неплохо убрать эти скутеры с дороги, дитя.

Мы вместе возвращаемся на место преступления и загоняем скутеры обратно в гараж, а по пути я задаю ей миллион вопросов. За что Ричард ненавидит Дэра? Почему он такой злой? Почему Дэру запрещено покидать Уитли?

Сабина выслушивает меня, но ничего не отвечает до тех пор, пока мы не оставляем скутеры в гараже и не возвращаемся на кухню.

– Порой вещи – совсем не то, чем кажутся, маленький цветочек каллы, – говорит она мне, – пришло время твоей чудесной головке это усвоить.

Никакие мольбы не заставят ее рассказать мне больше, и когда я возвращаюсь к себе в постель, я могу думать только о Дэре, и его темный взгляд стоит перед моими глазами, в голове мелькают картинки, как отдаляется от меня их машина.

Когда раздается крик, я зажмуриваю глаза, пытаюсь заглушить его, потому что, когда я слышу его, все, что рисует мне мой мозг, – это те самые глаза, наполненные болью и страданием. Эти мысли ломают меня, и я засыпаю, чтобы сбежать от них подальше.

Глава 8

Похоронное бюро и крематорий Прайса

Пасмурное небо Орегона нависло над городом, мрачное, покрытое завесой туч. На моих глазах молния рассекает его, протянувшись с одного края горизонта до другого, вспыхивая посреди тьмы, освещая все вокруг. Она разливается повсюду фиолетовым сиянием, что придает окрестностям нотку мистики и таинственности.

На моих коленях лежит письмо от Дэра, для меня это настоящая драгоценность. Он пишет мне очень редко, поэтому, когда от него приходит весточка, я обязательно ее сохраняю.

Дорогая Калла.

Так оно начинается.

Как там поживают мертвецы? В Уитли все по-прежнему. Знаешь, фактически меня тоже окружают живые трупы. Элеаноре, я думаю, скоро стукнет 200 лет; по крайней мере, она так выглядит. А Сабина, господи. Кто знает, сколько ей на самом деле.

Высылаю тебе фотографию Кастора и Поллукса. Недавно они плавали в океане, и Поллуксу удалось поймать рыбу. Кто-то из людей на берегу подумал, что это медведь, и начал кричать. Это был самый смешной момент за всю мою жизнь. Кастор скучает по тебе, с тех пор как ты уехала, и он почти всегда спит около двери в твою спальню, пока я не позову его к себе.

Увидимся летом,

Дэр.

Кажется, что он писал это очень непринужденно, что вполне обыденно для Дэра. Но почему-то когда я читаю его письмо, то начинаю скучать по Уитли, даже несмотря на то, что поместье всегда казалось мне слишком огромным, пугало меня и все там было для меня слишком странным. Но там Дэр, там мои собаки. Долгими зимними вечерами я очень скучаю по Дэру, хотя у меня всегда не хватает смелости рассказать ему об этом.

Я приклеиваю фотографию псов к обложке своего дневника и приступаю к домашнему заданию по математике, а после, когда ложусь спать, мне снится Дэр.

Сны о нем заполняют мое сознание. От них у меня внутри словно разгорается солнце, странное ощущение течет вверх по моим ногам к животу, словно огонь разливается по моему телу.

Мне снится, что солнечный свет проникает в окна гостевого домика, а я расположилась на диванчике, опершись на бок. На мне нет ничего, кроме туфель на высоком каблуке, и мои щеки покрывает румянец. В этом сне я старше. Мне семнадцать или около того. У меня длинные огненно-рыжие волосы, волнами стекающие по плечам и спине.

Дэр сидит прямо передо мной и сжимает карандаш между зубов, слегка прикусывая его, пока его взгляд внимательно исследует каждый кусочек моего тела; а затем он приступает к рисунку. Он рисует меня, и он так красив, так красив, так потрясающе красив!

– Ты так прекрасна, цветок каллы! – бормочет он. – Ты гораздо лучше, чем я того заслуживаю.

Солнце бьет ему прямо в глаза, и они кажутся золотистыми, а не черными, а его зубы, как всегда, белоснежны. На его пальце сверкает серебряное кольцо, и оно вращается в моем сознании.

Вращается.

Вращается.

Я вздрагиваю и просыпаюсь.

Проходит некоторое время, прежде чем я окончательно возвращаюсь в реальность.

Только тогда я понимаю, что мои щеки пылают так же, как в этом сне.

Лишь спустя час мне удается вновь уснуть, но весь следующий день в школе я продолжаю думать о своем ночном видении. Очень маловероятно, что когда-нибудь я окажусь в подобной ситуации... лежа обнаженной в лучах солнечного света, полностью на виду у кого-то. Это совсем на меня не похоже.

Как ни странно, мне удается сконцентрироваться на контрольной по математике, после чего мы с Финном отправляемся домой, и всю дорогу нас пронизывает колючий ледяной ветер Орегона.

Когда мы взбираемся вверх по дороге, волоча на спине тяжелые рюкзаки, наши кеды поскрипывают на каждом шагу по каменистой поверхности, скользкой из-за дождя. Я надеваю варежки и делаю глубокий вдох. В мои легкие проникает соленый запах океана, я бросаю безучастный взгляд на края утесов и пляж внизу.

Вдруг что-то ярко-голубое посреди камней цепляет мой взгляд. Такой оттенок синего довольно странно смотрится на фоне однообразного зимнего пейзажа. Любопытство побеждает, и я скидываю рюкзак на землю, подбираясь все ближе и ближе, чтобы получше разглядеть, что это такое.

Кто-то уставился на меня в ответ: этот взгляд далеко не приветливый.

Он мертвый.

Я издаю протяжный громкий крик, и Финн подбегает ко мне, чтобы оттащить меня подальше от края.

– Да что с тобой такое, Калла? – Он взбудораженно требует от меня ответа. – Ты могла упасть вниз. Ты же знаешь, что находиться рядом с обрывом опасно.

Я ничего не могу ответить. Я так ошеломлена и шокирована, что мне хватает сил только на то, чтобы указать дрожащим пальцем на то, что я увидела. Этого просто не может быть на самом деле.

Это был именно он. Я нагибаюсь вперед, чтобы взглянуть снова, и понимаю, что я не ошиблась. Неважно, сколько смертей приходилось тебе увидеть ранее – ты никогда не будешь готов к неожиданной встрече с мертвым лицом знакомого тебе человека.

Финн заглядывает через мое плечо, и я чувствую, как он подсказывает от ужаса, узнавая человека, тело которого сейчас лежит на камнях без дыхания.

– Это мистер Эллиот? – спрашивает он потрясенно.

Я лишь глупо киваю в ответ, не в силах даже пошевелить губами.

Мистер Эллиот был одним из немногочисленных учителей, кто относился ко мне с симпатией, хотя Финн не нравился ему никогда. Очевидно, худощавые, не блещущие ни в спорте, ни в науках мальчики никогда его особо не интересовали, поэтому он и не встал на защиту моего брата, когда футбольная команда затолкала того в мусорку в спортивной раздевалке.

Мне это очень не понравилось. Но также я не могу отрицать и того, что он мне все равно нравился... за отношение ко мне.

В особенности за то, что он никогда не заставлял меня играть в вышибалы.

Он знал, что после одной игры я превращусь в кровавую кашу, поэтому всегда позволял мне отсиживаться во время таких уроков. Кроме того, он никогда не признавался, что ему известна причина моих неудач. Он не говорил мне слов жалости, например: *«Я знаю, что все вокруг тебя ненавидят, поэтому не стану делать из тебя живую мишень»*. Я всегда ценила это.

Теперь же на нем одежда для пробежек, а его тело, лежащее на дне ущелья, переломано в нескольких местах. Одно его колено неестественно изогнуто, из-за чего стопа развернута носком вверх, к небу.

Пока Финн достает телефон и звонит в полицию, все, что занимает мое внимание, это носки мистера Эллиота. На нем те самые старомодные гольфы для занятий гимнастикой, которые натягиваются до колена... а сверху на них полоски. У него они ярко-синие.

Человек умер, а я полностью занята его носками.

Может быть, все вокруг правы и со мной действительно что-то не так?

Спустя пару часов мама, конечно же, разубеждает меня в этом.

– Ты была в шоке, милая, – говорит она, плавно убирая мои волосы с лица прядь за прядью, – многие люди не чувствуют глубины потери в тот же момент, когда она произошла. Это называется отсроченная реакция.

Она вытирает платком слезы с моего лица и готовит для меня хрустящее шоколадное печенье. На протяжении двух дней все идет хорошо. Но потом наступает моя очередь помогать отцу.

Я наблюдаю за тем, как ухоженные папины руки с ногтями идеальной квадратной формы достают до хруста накрахмаленные простыни из-под тела мистера Эллиота.

– Любопытно, у него случился сердечный приступ, и из-за этого он упал в расщелину? – спокойно рассуждает отец. – Или он просто поскользнулся? Бедняга.

Меня всегда потрясала папина невозмутимость, даже сейчас он говорит об этом как бы между прочим, просто выдвигает предположения.

Он не спрашивает, в порядке ли я, потому что и представить себе не может, что на самом деле все по-другому. Смерть стала делом всей его жизни, она вошла в его ежедневный обиход. Ничто не способно взволновать его, и он совсем забыл, что для кого-то она может быть огромным стрессом.

Я сглатываю ком, подступивший к горлу.

– А медицинский эксперт придет? – спрашиваю я, и мой голос дрожит в большом пространстве идеально стерильной комнаты.

Здесь холодно, как и положено, и я потираю руками плечи, покрывшиеся мурашками. Папа бросает на меня короткий взгляд, прежде чем развернуть металлическую каталку и переместить ее в охлаждающую камеру.

– Конечно, – кивает он, – медицинская экспертиза – обязательная процедура, и у нас на руках должно быть заключение о смерти. Ты же отлично это знаешь.

Я знаю. Но почему-то, когда я вглядываюсь в знакомое, но уже мертвое лицо своего учителя физкультуры, все, что я когда-то хорошо знала, напрочь ускользает из моей головы.

Я киваю в ответ.

– Хочешь есть? – спрашиваю я, не в силах найти другой повод, чтобы выйти из комнаты. – Могу приготовить тебе сэндвич.

Папа снова бросает на меня беглый взгляд и улыбается.

– Я не прочь перекусить, – говорит он, – буду на кухне через минуту.

Я пулей выскакиваю из комнаты, где происходит обработка тел перед похоронами, и закрываю за собой дверь. Теперь я могу вздохнуть с облегчением. На секунду я опираюсь на нее спиной и закрываю глаза, пытаюсь стереть из памяти пустое лицо мистера Эллиота. Последний раз, когда я видела его живым, оно было пунцово-красным от напряжения: он орал на нас во время занятия. Теперь, когда он такой бледный, а жизнь покинула его тело, я чувствую, как пустота заполняет меня изнутри.

– Ты в порядке?

Мама все еще беспокоится за меня. Впрочем, как и всегда. Я киваю, потому что не хочу, чтобы она волновалась. Кажется, что она никогда не перестанет переживать за меня.

– Да... просто... он всегда был так добр ко мне.

Тем же вечером, после ужина, я делаю домашнее задание по химии в своей комнате. В моих ушах беруши, но я все равно слышу, как пререкаются за стеной родители.

– Мне это не нравится, – говорит мама, – здесь мы постоянно окружены смертью. Это не идет ей на пользу.

– Ей нужно быть готовой к этому, – отвечает отец, и его слова заставляют меня остановиться, мои пальцы, в которых я все еще сжимаю карандаш, леденеют.

– Возможно, – соглашается мать, и в ее голосе столько печали, – но пока не время. Она еще не готова принять это.

Затем наступает тишина, и мне становится интересно, что сейчас происходит: может быть, папа пытается успокоить ее, как поступает всегда. Он прижимает ее к себе и шепчет что-нибудь теплое в ее огненно-рыжие волосы своим низким голосом. Обычно это срабатывает.

Однако спустя минуту они продолжают.

– Как бы негативно я к этому ни относилась, думаю, нам стоит больше времени проводить в Уитли. Там всегда спокойно. Это способствует улучшению состояния Каллы. – Мама произносит это очень тихо, тонким голосом.

Могу с уверенностью сказать, отцу эта идея не нравится.

– А ты сможешь проводить больше времени с Ричардом? Лора, пожалуйста! Мы переехали сюда, чтобы быть подальше от прошлого. Да, поддерживать контакт нужно, но ты не обязана оставаться с ними всю жизнь.

Поддерживать контакт? Я даже не замечаю, что произношу это вслух, пока не получаю ответ.

– Я знаю, – сообщает мне голос, и я резко вскидываю голову.

В углу моей комнаты стоит мальчик, капюшон скрывает его лицо в тени. Он высокий, худой, он кажется мне очень знакомым.

Мне совсем не страшно, хотя, возможно, мне следовало бы его опасаться.

– Кто ты? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

– А это важно?

– Да, – твердо отвечаю я, и, кажется, он улыбается: по крайней мере, на его лице появляется едва уловимый изгиб губ.

– Я уже видела тебя, – медленно бормочу я. – Только где?

Он не произносит ни слова, лишь встряхивает головой.

– Твой учитель, – мягко провозглашает он, – ты можешь все изменить.

– Изменить что?

– Все, – нетерпеливо отвечает мальчишка, – в твоих силах все изменить. Попробуй.

– Я ведь сумасшедшая, правда? – шепчу я и очень удивляюсь, когда он отрицательно качает головой.

– Нет, просто все хотят, чтобы ты так думала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.